

А.А. СУЮНЧЕВ

ДВОЙНОЙ УЗЕЛ

ПОВЕСТЬ

КАРАЧАЕВСК
2002

ББК 84 (кара) 7

С 91

РЕЦЕНЗЕНТЫ: А.Д.Койчуев - д.и.н., проф. (ПГТУ);
Т.А.Чанкаева-д.ф.н., проф. (КЧГПУ).

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Карачаево-Черкесского государственного педагогического
университета.*

А. А. СУЮНЧЕВ. ДВОЙНОЙ УЗЕЛ. Повесть. - Ка-
рачаевск: издательство КЧГПУ, 2002 - 120 с.

ISBN 5—8307—0018—2

В документально - художественной повести народного писателя Карачаево-Черкесии, профессора кафедры литературы Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета Азамата Суюнчева рассказывается о подвиге партизана Хапаева Бориса (Абдуллы) Тугановича в период Великой Отечественной войны на украинской земле и судьбе его семьи, депортированной из Кавказа в азиатскую часть страны.

© Карачаево-Черкесский
государственный педуниверситет, 2002
© А.А. Суюнчев, 2002

Пусть ты умер!
Но в песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым примером,
Призывом к свободе, к свету!

М. Горький.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

(о повести А. Суюнчева "Двойной узел").

Хотя со дня окончания Великой Отечественной войны прошло немало времени, эхо этой войны до сих пор отдается в сердцах наших соотечественников чувством острой боли и страданий. И не только война оставила незаживающие раны в душах миллионов людей. Внутри страны шли политические и национальные репрессии в отношении отдельных категорий граждан, более того были подвергнуты несправедливому истребительному выселению целые народы из своей исторической родины - Северного Кавказа.

Повесть "Двойной узел" написана известным писателем Азаматом Суюнчевым на документальной основе и посвящена этим драматическим событиям. В символическом названии произведения "Двойной узел" отражено именно это двойное насилие: война и ссылка.

На примере одной горской семьи автор показал суть жестокости войны, незаконных репрессий, затеянных тогдашними властелинами, в результате которых погибли десятки и сотни тысяч безвинных людей.

В центр повествования поставлен героический подвиг партизана - подпольщика Бориса (Абдуллы) Хапаева на оккупированной врагом территории Черниговщины. Он был казнен немецким гестапо 26 августа 1943 года, а через 22 дня область была освобождена частями Красной Армии. Осенью того же года отец героя Туган Хапаев со своей семьей, как и весь кара-

чаевский народ, по приказу И. Сталина были выселены под ложным предлогом с родных мест в азиатскую часть страны.

Тайна без вести пропавшего на фронте сына Тугана Хапаева и гибель в боях за Родину его четырех зятей последовательно раскрываются в ходе повествования о периоде нахождения в местах ссылки семьи.

Горская семья, посланная на защиту Отечества пятых воинов, попадает в полупустынные районы Кызыл - Кумских песков, где, ограниченная в правах, в положении спецпереселенцев, под надзором спецкомендатур, терпит тяжелые испытания в течение 14 лет.

В повести убедительно показан образ мужественного вожака отряда сопротивления оккупационным властям на украинской земле Бориса Хапаева и его сподвижников - подлинных патриотов, борющихся за свободу Родины. По тайному доносу одного из местных жителей группа была схвачена и расстреляна, лишь одному удалось спастись, а руководитель группы Борис Хапаев был повешен офицерами гестапо во время публичной казни в одном из поселков Талалаевского района Черниговщины.

Приводят в содрогание описания подробностей казни патриота и переживаний местных жителей, когда обломилась ветка черного тополя и палачи свершили повешение повторно. Для устрашения населения тело было запрещено предавать земле, и его охраняли несколько дней, пока в одну из ночей местные жители тайно не вывезли и похоронили тело партизана на сельском кладбище.

После освобождения Красной армией района от гитлеровцев тело героя перезахоронили с воинскими почестями и установили памятный обелиск.

В повести подробно описан трудовой подвиг переселенцев, выращивавших хлопковые плантации в казахстанских степях, их подневольный труд. Моральные унижения, ограничения в передвижении, резкие климатические контрасты по сравнению с родным благодатным кавказским климатом, жгучая жара, нестроенные жилищные условия, недоедание и голод,

болезни скосили немало детей, женщин и стариков из "спецконтингента".

В этой тяжелой ситуации, длившейся немало лет, особенно ярко вырастает могучая фигура отца семейства - Тугана Хапаева, мудрого горца, неутомимого труженика, добрейшего человека и эфенди - служителя мусульманской веры, призывавшего униженных и оскорбленных людей к единению, взаимовыручке, неустанному труду и терпению во имя жизни на земле.

Переселенцы - карачаевцы и представители местного населения - казахи, узбеки, русские, находят общий язык и сближаются в совместной работе и повседневной жизни, вместе делят радости и печали. Их объединяют общечеловеческие черты: доброта, справедливость, добрососедство.

Благодаря титаническому труду людей некогда пустынный степной край превращается в зеленый оазис, в котором для страны выращивается ценное сырье - хлопок, или как его называют "белое золото".

Перед глазами читателя проходит целая галерея участников войны и тружеников тыла, борющихся за скорейшее освобождение страны от иноземных захватчиков.

Все произведение от начала до конца пронизывают глубокие гуманистические, патриотические и интернациональные чувства простых людей. Они проявляются в мыслях, высказываниях и поступках персонажей.

Удачно построена композиция повести. Действия представляются не в хронологическом порядке, а по степени важности происходящих событий и фактов.

Автор умело пользуется приемами диалога, описания, повествования, рисует запоминающиеся портреты действующих лиц. В сюжетную линию введены новеллы, воспоминания, документы, письма - все это подчеркивает подлинность повествования.

Описания пейзажа и лирические отступления в произведении служат более полному раскрытию характеров изображенных людей - невыдуманных героев и реальных персонажей.

Автор часто использует символические образы и

литературные параллели. Тополь - дерево печали - встречается и в горном ущелье Карачая ("тополь рабства"), и на Черниговщине - на ветке тополя повешен партизан, и в Средней Азии на берегу "желтой реки" Сырдарьи, в краю ссылки.

Боль утраты Родины подчеркивает сравнение образов рек - Кубани и Сырдарьи. Образ дороги, как символ бесконечности времени, несет в себе историческую подоплеку: древний Великий Шелковый путь, проходивший через Кавказ, кровавые дороги войны в стране, далекий путь изгнания по железной дороге Кавказ - Азия, по которой идут эшелоны с переселенцами на Восток.

Не только описание подлинных фактов, но и выделенные автором художественные детали: следы ранений, атрибуты национальной одежды, отдельные предметы - все это способствует приданию убедительности описываемым в повести событиям.

Использованные автором приемы не разрывают сюжетные линии, а наоборот гармонируют с ними, помогают поэтапному и высоко художественному раскрытию главной цели повести - утверждению гуманистических идей.

Другой важной темой повести несомненно является показ священного чувства неистребимой любви человека к земле предков, ностальгии по родному краю.

И, наконец, в финале произведения мы становимся свидетелями торжества справедливости - возвращения карачаевцев на свою историческую Родину - на Кавказ.

Подробный анализ произведения выходит за рамки предисловия. Наша задача более скромная - ознакомить читателя с основным содержанием трагической истории одной семьи, показать как человек, попавший в экстремальные условия, может преодолеть тяжелые испытания, оставаясь верным главному человеческому призванию - быть человеком.

Надеемся, что повесть будет с интересом прочитана как представителями старшего поколения - свидетелями описываемых драматических событий, так и молодежью наших дней.

ПОВЕСТЬ

Вдоль водоводного канала с обеих сторон стройными рядами тянулись высокие ветвистые тополя. Вода в канале, шедшая на орошение хлопковых полей, тихо струилась.

Совхоз “Пахта-Арал”, что в переводе с казахского означает “остров хлопка”, был известным хозяйством по выращиванию хлопка не только в Голодной степи, но и далеко за ее пределами. Этот совхоз был первым в Советском Союзе хлопководческим государственным хозяйством, образованным на землях Голодной степи Казахстана по приказу специального Хлопкового Комитета Правительства СССР от 1 ноября 1924 года.

На полупустынных землях Голодной степи хлопковые плантации и в самом деле казались зеленым островом или морем.

Благодаря быстрому развитию сельскохозяйственного производства в Голодной степи выросли десятки крупных хлопководческих совхозов и колхозов. Но “Пахта-Арал” был первенцем освоения целинных земель, зеленым оазисом, в котором добывалось “белое золото” для страны.

Осваивалась Голодная степь Кызыл - Кумских песков в основном трудом заключенных и спецпоселенцев. В 30-е годы сюда свозили раскулаченных крестьян из Украины и России. В годы войны привезли репрессированных по национальному признаку карачаевцев, балкарцев и представителей других народов Северного Кавказа.

Совхоз “Пахта-Арал” был крупным многоотраслевым хозяйством. Его земли составляли более 25 тысяч

гектаров, из них 11 тысяч орошаемых земель приходилось на хлопковые плантации.

Руководил совхозом крупный хозяйственник, выдающийся организатор Александр Семенович Орлов, назначенный на должность директора хозяйства еще в 1926 году и проработавший на этом посту более 20 лет. Будучи сам человеком честным и трудолюбивым, он уважал эти качества и в других людях. Поэтому не удивительно, что Александр Семенович очень скоро полюбил и стал оказывать всемерную помощь сосланным в конце войны в руководимое им хозяйство карачаевцам. Он ценил их трудолюбие, добропорядочность, честность, уважение к старшим и какую-то внутреннюю чистоту и даже наивность, свойственную, как он полагал, представителям малых народов, только-только начинающих сталкиваться со многими "благами" цивилизации, и пока еще живших в основном по законам феодально - патриархального уклада.

Хозяйство Орлова имело семь хлопководческих и два животноводческих отделения, которые представляли собой сравнительно небольшие, но располагавшие всеми необходимыми службами хозяйства с земельной площадью примерно в полторы тысячи гектаров каждое.

Центральной усадьбой совхоза "Пахта-Арал" стал поселок имени Ильича, где был построен хлопкоочистительный завод и подведена ветка железной дороги от ближайшей станции Сырдарья. Со временем поселок превратился в крупный населенный пункт с числом жителей более десяти тысяч человек. В поселке кроме хлопкоочистительного завода имелись 2 средние школы - казахская и русская, школа механизации сельского хозяйства, поликлиника с больницей на сто коек, кинотеатр, парк культуры и стадион.

Спецпереселенцы - карачаевцы из высокогорного аула Мара в количестве примерно пятидесяти семей были размещены рядом с центральной усадьбой в бараках и приспособленных для жилья помещениях базы №7 Ильичевского отделения.

Старик Туган Джаубаевич Хапаев еще не освоил

новые условия жизни степняков. В свои годы он еще выглядел стройным горцем, ходил в национальной одежде, бешмете и курчавой шапке.

Он часто приходил на это место. Здесь, на берегу канала, в тени тополей, ему дышится гораздо легче, чем в поселке, где стоит невыносимая жара. Здесь, как в горной долине, с журчанием струится вода, здесь летит тополиный пух, который напоминает кавказцу снегопад родного края.

Старый Туган расстегнул пуговицы воротника своего сине-зеленого бешмета и долго вглядывался в течение воды в канале, будто в нем, как в зеркале, видел какой-то нескончаемый сон. Перед ним проходили одна за другой картины воспоминаний. Зеленый шум тополиной листвы и тихое течение волн уносили его мечты далеко - далеко в родные горы. Если река в горном ущелье, где был расположен его родной аул, несла чистую хрустальную воду, то в канале она была мутная, желто-серого цвета. Такой цвет вода приобретала, смывая желтые глинистые берега Сырдарьи. Вода канала напоминала старому Тугану весеннее половодье родной реки Кубани, бурно несущей грязные потоки вод, образующихся при таянии ледников и снежных лавин на склонах горных вершин Кавказа.

Его взгляд остановился на водовороте течения. Водоворот крутил струи в канале и как бы разматывал клубок воспоминаний: вначале из недавней жизни, а затем и из далеких лет прошлого.

В казахстанской степи, куда его привезли с семьей и со всем его народом, он продолжал свое привычное дело: был плотником. Обустраивал себе жилье, помогал отстраиваться и другим землякам.

Большая часть переселенцев была размещена в бараках, в которых раньше содержали заключенных, а остальных - в кошарах для скота. Отсутствие элементарных удобств, неблагоприятные санитарные условия, истощение от скудной пищи в сочетании с непривычными климатическими условиями привели к широкой заболеваемости среди переселенных горцев. Люди заболели сыпным и брюшным тифом, малярией, ту-

беркулезом и другими напастями. Положение усугублялось жесткими ограничениями на передвижение в другие населенные пункты и практически полным отсутствием лекарств.

Из поселенных в отделениях совхоза "Пахта - Арал" карачаевцев в первые, самые тяжелые годы, умерло почти половина. Были семьи, состоявшие из 8-9 человек, которые вымерли полностью. Многие боялись идти на похороны родственников, умерших от сыпного тифа, чтобы не заразиться.

Здесь на плечи старого Тугана легли две тяжелые ноши: гробовщика и священника. Сначала он записывал в тетрадку умерших от голода и болезней стариков, старух, женщин и детей, в похоронах которых он участвовал: кому копал могильные ямы, кому стругал могильные доски (у мусульман они используются вместо гроба), кому как эфенди совершал джаназы - погребальный обряд во время похорон.

Но потом он забросил тетрадку на пыльную полку среди инструментов в своей плотницкой мастерской: от увиденного и пережитого в руке дрожал карандаш, глаза застилала горькие слезы, как облака, обволакивающие горы в туманный день.

...В сорок первом году, когда на Советский Союз напала Германия, каждая семья отправляла на защиту страны своих сыновей. Ушли на фронт четыре зятя Тугана Джаубаевича, а через некоторое время четыре похоронки легли ему на стол и его четыре дочери повязали черные шали.

С первых дней войны вступил в бой с врагом и сражался против немецких фашистов старший сын Тугана - Борис, служивший в кавалерийской части на западной границе, в Белоруссии, в районе Белостока. На второй год войны пришло извещение из действующей армии: "Ваш сын, Хапаев Борис Туганович, красноармеец первого эскадрона 77-го кавалерийского полка, верный воинской присяге, в бою за Социалистическую Родину пропал без вести..."

Нет, не верил старый горец написанному в извещении. Его сын Борис, его первенец не может пропасть

без следа. Отец не верил в его смерть, и сердце его чувствовало, что он жив и где-то продолжает сражаться с врагами...

Туган достал из кармана бешмета фотоснимок сына и разглядывал каждый штрих, каждую складочку на его лице и одежде снова и снова.

С фотографии на него глядел воин, стройный и смелый кавалерист в портупее с обнаженной шашкой в правой руке, приложенной к плечу клинком вверх.

Хотя в воинской части, в которой воевал сын, его уже списали со списков и анкет, отец хранил в душе какую-то нечаянную тайну, известную только ему. Он верил, что его сын жив, никак не хотел отдать сына смерти. Будучи известным в родном ауле эфенди, Туган, отправлявший с начала войны похоронные обряды по погибшим на различных фронтах землякам, а их было немало, воздерживался отмечать траур по сыну. И в семье, жене и детям он говорил, что Борис жив. Вслед за отцом вся многочисленная семья - мать, братья и сестры - повторяли: "Борис сау келсин! - Да вернется Борис живым!" "Абдулла сау келсин! - Пусть вернется Абдулла живым" - так ласково называли брата дома. Отец - эфенди ежедневно совершал пятикратный намаз - молитву, просил Всевышнего и Всемогущего Аллаха, чтобы скорее кончилась война, чтобы он сохранил сына и вернул его домой живым. И было принято в семье говорить о Борисе только как о живом.

Сестра Бориса, Сапият, в самом начале войны, в 1941 году, сложила о нем такую песню (перевод с карачаевского языка):

Пусть крепостью будет город, где ты служишь,
Крепостью, недоступной душманам.
Чтобы ты сбил сто самолетов врага
И сжег сто его танков,
И люди называли тебя героем.
Пусть слава о тебе домчится
До высоких Кавказских вершин,
Чтобы награду тебе лично
Вручили в Московском Кремле.
Эй, аланы! Племя отважное!
Бейте врага в море, на суше и в небе!

Смело сражайтесь за правое дело,
Брат мой на ратном пути.
Видела сны я хорошие,
И если так повелит Аллах,
Он вернется живым в семью,
А я разнесу эту радостную весть,
И споем мы вместе песню Победы...

Большая семья Тугана пережила пятимесячную оккупацию гитлеровскими войсками родного края, предгорий и перевалов Главного Кавказского Хребта. Действия захватчиков в Карачае ничем не отличались от того, что они творили на всей остальной захваченной территории страны. Начались расстрелы, убийства, грабежи, террор мирного населения. Народному хозяйству Карачая был нанесен громадный ущерб, практически все было разграблено.

Однако в начале 1943 года под натиском советского оружия немцы начали отступать с Северного Кавказа. Туган Джаубаевич вспомнил, как его земляки с радостью встречали в январе сорок третьего года воинов Красной Армии, освобождавших их от фашистского ига.

В районах Карачаевской автономной области жители всячески помогали фронту. Собрали денежные средства на строительство авиаэскадрильи "Колхозник Карачая", за что получили благодарственное письмо от самого Иосифа Виссарионовича Сталина. В аулах карачаевцы собирали продукты и теплые вещи в помощь фронту под лозунгами "Все для фронта! Все для победы над врагом!"

Уже немецкие войска были отброшены далеко, сражения шли за Днепром на Украине, уже наступил перелом в войне. Но над Карачаем стали сгущаться черные тучи. Случилась неслыханная трагедия - И. Сталин отдал приказ Л. Берии: "Их надо депортировать".

В ночь с 1 на 2 ноября 1943 года вооруженные силы НКВД общей численностью 53.327 бойцов внутренних войск заблокировали все районы и аулы Карачая и поголовно все карачаевцы в количестве 69.267 человек были выселены со своей исторической Родины, а их территории переданы соседней Грузии и Ставропольскому краю ...

Перед взором Тугана встает тот страшный день. Вот в его дом на рассвете стучатся военные. "Быть может, сын..." - подумал он. Но среди военных нет родного лица сына. Один офицер и два автоматчика требуют немедленно собираться в путь: карачаевцев выселяют за измену Родине.

- Приказ Верховного! Вам дается на сборы полчаса, берите только первое необходимое и продукты питания на дорогу, которая продлится 2-3 недели.

- Что вы, с ума сошли, выселять целый народ! Это какая-то ошибка. Такой беды не знала земля Карачая со времен Асхак Темира - Хромого Тимура... - возразил глава семьи Туган Джаубаевич.

Старик попытался объяснить выселявшим их офицеру и солдатам, что он отдал на защиту Советской страны пять воинов - четыре зятя и любимого старшего сына Абдуллу. Он достал фронтовые фотографии сына и письма. Лейтенант развернул и стал читать одно из них:

"Действующая армия. 21.08.1941 год.

Здравствуйте, дорогие мои!

Получил от вас письмо. Какая радость - письмо из дома. У нас дела в нашей части идут хорошо. Бьем немчуру, а он, гад, лезет.

В недавнем бою увидели, что трех наших бойцов пытаются окружить восемнадцать гитлеровцев. Нас было шесть красноармейцев, Мы смело атаковали фашистов. Четыре фрица было убито, остальные рассеялись.

В разгар боя я был легко ранен в левое предплечье, текла кровь, но я стрелял: правая рука здорова. Не беспокойтесь, рана заживает. Еще мне пробило каску, не знаю, как я уцелел. Наверное, я в рубашке родился.

Мы не дадим фашистам разгуливать по нашей стране и терзать ее так, как они терзают Югославию, Грецию, Чехословакию и Польшу. Отомстим за все их злодеяния! Доберемся и до их территории.

Я знаю, что все, что я делаю для Красной Армии, одновременно делается и для блага моих родных и близ-

ких, для защиты их крова и жизни от врага. У меня душа болит за вас. Мы будем биться с кровавым зверем, чтобы он не дошел до Кавказа.

Никогда я не умру на земле. Если придется умирать, то я погибну в полете, в седле или на виселице, за дело народа. Мы победим! Жив буду - приеду с Победой.

Приветы всем родным и друзьям. Крепко обнимаю. Любящий всех вас Абдулла”.

Повертев письмо в руках, лейтенант, через некоторое время произнес:

- А он ли это написал, сомневаюсь...

Потом Туган стал показывать извещение. Лейтенант, прочитав в нем слова “пропал без вести”, грубо заявил:

- Вот, из-за таких-то и выселяем весь народ! Неизвестно, кому он служит, Гитлеру или Сталину?

Мать доставала из сундука вещи и беспорядочно бросала их на пол, затем бережно сложила национальный костюм сына. Увидев красивый горский серебряный кинжал, лейтенант схватил его, но мать вырвала кинжал из его рук.

- Это кинжал моего сына, который бьет Гитлера. Если тронешь меня, я тебя убью! - заявила она, взявшись за рукоятку кинжала и обнажив лезвие.

Ее решительный голос и гневный взгляд остановили мародера, который растерянно смотрел на старую горянку. Она спешно вложила оружие в ножны и спрятала кинжал за пазуху. Откуда у нее взялась смелость для сопротивления офицеру карательных войск? По всей вероятности, она была в отчаянии от того, что ее семью изгоняют неизвестно куда. Если бы лейтенант не остановился, то она, не задумываясь, подняла бы над ним кинжал, как меч возмездия.

Но все кончилось мирно. Получив отпор, офицер отступил. Он стал составлять список членов семьи, а автоматчики стояли и смотрели, и по их взгляду было видно, что они были восхищены поступком отважной матери-горянки.

Лейтенант долго заполнял карту, ведь семья была действительно большая:

“Глава семьи: Хапаев Туган Джаубаевич, 1882 года рождения;

жена - Хапаева Байдымат Ибраевна, 1890 года рождения;

дочь - Хачирова Канитат, 1908 года рождения, мать шестерых детей, муж на фронте;

дочь - Чотчаева Абидат, 1910 года рождения, мать троих детей, муж на фронте;

дочь - Герюгова Сапият, 1912 года рождения, мать пятерых детей, муж на фронте;

дочь - Лепшокова Дильпуруз, 1920 года рождения, маленький ребенок на руках, муж на фронте...” - и так далее, всего 28 человек.

Закончив составление семейного списка, офицер велел Тугану одеться, вынести все ножи, вилы, косы, топоры, серпы - все колющие и режущие предметы, и сложить их в середину двора. После этого офицер посадил его, единственного взрослого мужчину в семье, у порога дома, приказал не двигаться, не вставать с места до особого распоряжения. Остальным членам семьи было сказано собираться в дорогу. Оставив одного автоматчика караульным, лейтенант пошел в следующий дом.

К этому времени во двор вернулись одиннадцатилетний сын Алим с сестрой, посланные до рассвета на кош пригнать четырех баранов на согум - забой на зиму. Но пост за аулом детей в горы не пустил, задержал и привел домой.

И вот большая семья старого Тугана с узелками в руках спускается с холма, покинув добрый родной дом под железной крышей, построенный много лет назад Джаубой для двух его сыновей - старшего Тугана и младшего Ахьи. Большие семьи обоих братьев до этого дня жили под одной крышей, мирно и в согласии.

Изгнанники шли, спотыкаясь под тяжестью неудобных узелков, вниз по узкой тропинке ущелья к большой дороге, где был сборный пункт. Они не ведали, что покидают родные места, родной дом, родной аул на долгие годы длиной в 14 лет, а некоторые уходят отсюда навсегда и не суждено им больше вернуться в

родные горы, и никогда больше не испить им целебный нарзан Гара-су, чистую воду горного родника, не дышать ароматным воздухом хвойного леса...

Туган вспоминает по очереди дорогие ему лица зятей: высокого, статного, немногословного Буди Хачирова, мужа дочери - красавицы Канитат; всегда приветливого коренастого балагура, неумолимого табунщика Бабулу Чотчаева - мужа второй дочери Абидат.

Он вспоминал всегда серьезного, смуглого брюнета с красивой черной шевелюрой, Ильяса Герюгова, работавшего директором промкомбината "Смычки" в городе Микоян-Шахаре и ушедшего на фронт в первый же день войны добровольцем - мужа неугомонной дочери Сапият, песенницы-певуньи, всегда готовой спеть карачаевские кюю - страдания и русские народные песни и частушки.

Он вспоминал первого силача аула, мастера карачаевской национальной борьбы на поясах Хамида Лепшокова, ровесника и самого любимого товарища Абдуллы с детства - мужа четвертой дочери Дильпуруз. Все помнили, как Хамид, чтобы не расставаться с Борисом, как он любил называть Абдуллу, просил работников военкомата отправить его в ряды Красной Армии на несколько месяцев раньше срока. Их отправили на службу вместе, и в первое время Хамид и Абдулла служили в одном подразделении, но потом были направлены в разные части. Хамид был метким стрелком-пулеметчиком. О нем писала дивизионная газета "Красноармеец". Газету с помещенной в ней своей фотографией он прислал с письмом домой перед самой войной. Это письмо от него было последним...

За медленно идущими членами семьи Тугана Хапаева скуля, неотступно следовали их дворовые овчарки, которые, вероятно, почувствовали, что заботливые хозяева покидают их на произвол судьбы. Отовсюду было слышно мычание коров, оставшихся недоеными и некормленными.

Верхушки деревьев лесного массива по склонам Маринской долины покрыты белым инеем, под ногами скрипит тонкий снежный покров. Резко похолодало,

как будто и сама природа нахмурилась в этот день. “Я слышал много сказок и легенд, но в возможность такой беды не верил. Ахыр заман - конец света” - произнес вслух старый горец, а про себя подумал: “Что бы могло произойти в этот час, когда нас прогоняют со штыками, если бы молодые мужчины нашей семьи были не в армии, а дома? Отпустили бы они своих родных безропотно? Вряд ли обошлось бы без крови“. От этих мыслей ему самому стало жутко. Он подумал, что может быть и хорошо, что погибшие на фронте зятя не знают о горькой участи своих жен и детей.

Старик не мог никак найти ответ на вопрос, как можно изгонять членов семей защитников этой страны, за которую они отдали свои жизни?!

Аул Мара, родина Тугана, самое высокогорное селение в Карачае, было расположено у перевала с одноименным названием, высота которого составляла более двух тысяч метров. Отсюда, через этот перевал, на расстоянии часа езды на лошадях находится всемирно известный город-курорт Нарсана - Кисловодск. Как поднимешься на горный перевал Маринский, направо расположены великолепные отгонные пастбища с альпийскими лугами, “кладовые” мяса и молока Биче-Сын, Гум-Баши, Марджа, Тохтамышла. А слева, еще выше - летние пастбища Покун-Сырты, Тамчи-Баши, где с незапамятных времен паслись бесчисленные отары знаменитых карачаевских барашек и табуны чистокровных карачаевских скаковых лошадей.

Старики рассказывали, что через аул Мара когда-то проходил Великий Шелковый путь к перевалам в Грузию.

С перевала хорошо видна сверкающая всеми цветами радуги громада из вечных снегов и льдов, устремленная в заоблачные дали, самая высокая в Европе вершина - Эльбрус, Минги-Тау. Этот двуглавый исполин вершает многочисленную гряду Кавказских гор, протянувшихся на тысячи километров, покрытых вечными снегами, воспетых многочисленными народностями, живущими на Кавказе, путешественниками, мудрецами и поэтами. Мусульманские купцы и путе-

шественники называли эти горы именем легендарных Каф-гор, или гор Кап-каз, что означает окружающие землю, находящиеся на самом краю земли, являющиеся преградой злым духам - великанам Яджуджу и Маджуджу - врагам всего человечества.

Туган подумал: "Почему же Минги-Тау, гора, которую называют еще и "горой счастья" не оградила его народ от беды?"

Родные горы для старика были центром мироздания, вечными и слитыми с горцем в одно целое. Ему казалось, что он оставляет в горах кровоточащее сердце. Старик внезапно почувствовал пустоту в груди, и соленые слезы потекли по его морщинистым щекам. Он очень стыдился слез, но не смог совладать с собой.

Его чуткое сердце чувствовало, как его насильно отрывают и увозят неизвестно куда, может быть и навсегда. К сердцу подкралось, как он и не старался его отогнать, чувство расставания навсегда, и старик смотрел на горы долго и долго, не отрывая глаз.

Старый Туган прощался с родными местами. Он мысленно прощался с могилами предков и всех умерших аульчан, губы его шептали суры и аяты из священного Корана и слова дуа - специальных молитв. Прощался он с каждым клочком родной земли, с горными тропинками, дорогими его сердцу горными речками и родниками, выбивающимися из-под земли, с камнями и скалами, носящими поэтические названия: Куш кая - Орлиная скала, Тещикли кая - Скала с пещерой, Уллу Кёк баши - Большая поднебесная скала, Джернес чалган - Сенокос Джернеса, и Гитче Кёк баши - Малая поднебесная скала - всех не перечислить. Они будут сниться и сниться ему долгие годы...

Старый Туган очнулся и посмотрел вокруг. В Маринской долине у дороги, недалеко от нарзанного источника, в окружении плакучих ив стоял громадный старый тополь, который называли Деревом рабов. По легенде здесь в далеком прошлом было место работорговли: разрушались семьи, детей продавали одним хозяевам, матерей - другим. Сколько же страданий видело это дерево! Неужто этот тополь - дерево печали -

опять стал свидетелем новой, не виданной до сих пор беды - насильственного выселения целого народа из его Родины?

Туган смотрел сквозь пелену слёз на толпу стариков, женщин и детей, согнанных к этому дереву. Ему казалось, что ныне повторяется что-то, имевшее место в прошлом. В народе ходило поверье, что когда рождается какой-нибудь человек, на этом дереве появляется новый листок, а когда человек умирает, с дерева падает лист. Сейчас холодный осенний ветер срывал с тополя листья сотнями и бросал их на дорогу. Тугану это навевало особую тревогу. Он пытался прогнать тревожные мысли, но это ему не удавалось.

Картины того дня навсегда запечатлелись в его мозгу. Впоследствии перед его глазами появлялись знакомые лица аульчан с узелками и домашним скарбом, на которых налетали все новые и новые осенние листья тополей и берез.

Туган часто размышлял о причинах случившегося и по ночам спрашивал себя:

- Чего же такого плохого я и мои земляки сделали на земле, за какие грехи такое неслыханное наказание? - и не находил ответа.

- Если в старину здесь проходил Великий Шелковый путь, то теперь здесь начинается тернистый путь скитаний на чужбине - произносил он, видя в ночных кошмарах себя, стоящего вместе с семьей в тени Дерева рабов, внутри каменной ограды, куда автоматчики приводили новых "врагов".

У старика не укладывалось в голове, кто мог причислить к врагам Советской власти всех без исключения аульчан, пастухов и земледельцев, большинство из которых никогда не брали в свои руки оружия и не знали, как из него стрелять.

Среди сгоняемых к Дереву рабов Туган узнавал печальные лица горянок, многие из которых получили с фронта похоронки на своих мужей и сыновей.

Но больше всего его повергло в недоумение, когда он увидел среди согнанных знакомые лица глухонемых, слепых и слабоумных. Что же могли совершить

против Советской власти эти несчастные люди, которые были далеки от всякой политики и войны. Но и они изгоняются из родного края как опасные для государства преступники.

Тополь рабства - многовековой свидетель человеческих страданий и лишений, продолжал осыпать своими печальными пожелтевшими пожухлыми листьями толпу изгнанников, предвещая им нелегкую судьбину.

В шуме, гаме внезапно застигнутых облавой людей, им было трудно понять или определить, что происходит, куда их, оторвав в одночасье от родного крова ведет рок, как ветер, навсегда уносящий листья с ветвей векового тополя.

Подъехавшие студебекеры плотно загрузились первой партией переселенцев и с конвоем отправились на железнодорожную станцию. Транспорта не хватило, и многие семьи, в том числе и семья Тугана, остались у большого тополя на ночь. Лес был рядом, но разводить костры не разрешили. После долгих просьб и споров начальник НКВД позволил младшим детям в сопровождении охраны сходить к реке за водой.

Утром, после бессонной ночи, Туган заметил у своей жены Байдымат новую полосу седой пряди, появившуюся за ночь на ее черной тяжелой косе, но не сказал ей об этом. Жена, измученная бессонницей и переживаниями, молча раздавала детям кусочки вчерашнего кукурузного хлеба, когда над гребнем горной гряды появился тусклый солнечный диск и на измученные лица людей пали тени ветвей рабского дерева.

Туган посмотрел в сторону кладбища, на котором покоился прах отцов и дедов. Теплившаяся в глубине души надежда о том, что произошла какая-то ошибка, которую все еще можно исправить, и что их могут вернуть к своим очагам, окончательно угасла, когда вновь начавший прибывать транспорт продолжил увозить жителей аула. Он попросил конвой разрешить ему посетить кладбище, чтобы совершить молитву, прочитать суру "Ясын" из священного Корана, попрощаться с могилами близких и аульчан, но ему не разрешили.

Туган еще не знал о том, что первые из "телячьих"

вагонов, собранных в 36 эшелонов для выселения карачаевского народа, уже направлялись на восток, в основном в Казахстан и Киргизию. Старик ходил среди оставшихся на второй день на сборном пункте аульчан и не мог найти большую семью младшего брата Ахьи, у которого трое сыновей - Хызыр, Кара и Маджит ушли на фронт и на двоих из них - Хызыра и Кару уже были получены похоронные извещения. Так же Туган не нашел семьи родных сестер Джулдуз, Байдымат, Алакёз, Беллау и Эриккен, отправленных накануне на железнодорожную станцию для погрузки в вагоны. Туган не мог знать и о судьбе двух других своих сестер Кундуз и Сыйлу, семьи которых проживали в Кисловодске и Усть-Джегуте.

Все они, и его брат Ахья, и их сестры вместе со своими семьями были доставлены на железнодорожную линию Джегута - Невинномысская, где погрузились в вагоны, и по мере их заполнения эшелоны были отправлены на восток. Все они, как и семьи многих других родственников Тугана попали в Киргизию, о чем он узнает много лет спустя после длительных поисков, уже находясь на спецпоселении в совхозе "Пахта-Арал".

... Последняя группа согнанных в пункт отправки в Маринской долине оставалась в ожидании транспорта до вечера второго дня. Знакомые старики и женщины подходили к Тугану и спрашивали:

- Скажите, эфенди, в каком жизнеописании такое было, чтобы так безжалостно погнать весь джамагат - народ в неведомые края? За что нам Аллах послал такую кару?

- Это не Аллах послал, а злые люди задумали такое наказание. Их и их потомков Аллах покарает, и намного хуже, чем они наказывают нас. Все равно правда одержит верх над злом. Надо набраться сил и временно потерпеть. Терпеливому человеку Аллах пошлет награду. В народе у нас говорят: "В единстве сила". Будьте вместе, крепитесь, не падайте духом, - утешал, как мог, ссылаемых переселенцев Туган.

К вечеру второго дня подошедшие машины погру-

зили всех оставшихся и повезли вниз вдоль течения Кубани.

На железнодорожной линии Усть-Джегута - Баталпашинск стояли эшелоны. Вагоны, предназначенные для перевозки скота, были переоборудованы для перевозки людей - в них были установлены трехъярусные нары.

Эшелоны загружались по мере подвоза выселяемых людей, не считаясь с тем, из какого населенного пункта они доставлялись, и отправлялись на восток. В один эшелон грузили жителей из разных аулов и разных районов области. Многие матери разлучались с детьми, семьи - с близкими родственниками, многие люди были схвачены в пути, в гостях или на похоронах, на кошу или на полевых работах, на животноводческих фермах. Оттуда их и конвоировали и никто не собирался считаться с их желанием соединиться с семьей.

Люди надеялись и ждали встретить своих родных на станции. Почти все работоспособное население аула находилось на полевых работах в Прирезках, так назывались пахотные земли в другом районе, недалеко от Баталпашинска.

Среди других маринцев на уборке кукурузы была и дочь Тугана, колхозный бухгалтер Дабион, которую все звали Диной. Отходить от вагона не разрешали солдаты, и когда эшелон двинулся с места и застучали колеса вагона, надежд встретить Дину на станции не осталось. Туган не мог знать, что и Дина, и дочурка старшей его дочери Канитат, и сын его второй дочери Сагит, с такими же как и они людьми, без продовольствия, зимней одежды и средств на существование, оторванные от своих родственников, уже ехали в первых эшелонах, направляемых в Киргизию.

Туган успокаивал себя тем, что, за исключением Дины, его большая семья была в сборе и ехала с ним в одном вагоне. Он ничего не знал и не мог знать о судьбе старших замужних сестер и внуков, когда они выехали из родных мест, как едут и в какие из восточных республик страны направляются их эшелоны.

Узники сидели на трехъярусных грубо сколоченных деревянных нарах, на своих узелках и домашних пожитках. Было тесно и душно. На каждого спецпереселенца полагался суточный паек на 5 рублей: 100 гр. мяса или рыбы, 80 гр. крупы, 10 гр. жиров и 100 гр. хлеба ржаного. Пакет получали на определенных железнодорожных станциях по пути следования в виде жидкой похлебки, хлеба и кипятка. Специально выделенные из спецпереселенцев "вагоновожатые" в сопровождении конвоя раздавали узникам пищу один раз в сутки.

Через несколько дней пути следования Туган стал считать, сколько людей обратилось к нему в пути с просьбой совершить дуа - молитву по умершим здесь в их вагоне родственникам. Таковых было семь человек. Охрана требовала выносить мертвых на полустанках, боясь вспышки инфекционных болезней. Умерших поспешно выносили из вагонов, кое-как хоронили у железнодорожного полотна полустанка, и эшелон двинулся дальше...

В ходе расселения карачаевцев на новых местах семьи, не считаясь ни с чем, насильственно и жестоко разделялись, и проблема разрозненных семей стала почти неразрешимой бедой для большей части карачаевского народа.

По прошествии десятилетий в секретных документах НКВД в докладной записке заместителя Наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышева, направленной в декабре 1943 года на имя Наркома Лаврентия Берии, читаем: "Во всех районах расселения Казахской и Киргизской ССР от карачаевцев поступают в распоряжение спецкомендатуры НКВД много заявок и заявлений в отношении розыска членов семей и соединение с ними. Только в Джамбульской области таких заявлений поступило свыше двух тысяч".

Разделенные семьи и судьба их членов стали еще одной черной страницей в истории не только карачаевцев, но и других, насильно изгнанных из исторической Родины народов. Участь разделенной семьи в полной мере испытала на себе и семья Тугана Хапаева. На

новом месте старый Туган не досчитался дочери Дины и двух внуков - Саши и Сагита. С большими трудностями, после долгих поисков, расспросов и переписки, с официальными властями, в основном спецкомендатурами, и родственниками в Киргизии, удалось разыскать адреса мест поселения дочери Дины, внучки Саши и внука Сагита. Прямо с колхозного кукурузного поля, на уборке которого они были в момент выселения, они были посажены в вагоны и оказались в разных районах Киргизии. Мать Сагита, Сапият, получив с невероятными трудностями разрешение, отправилась по железной дороге из Казахстана в Киргизию. С пересадками, затратив более двух недель в один конец, она возвратилась через полтора месяца с Диной и Сагитом. Все трое были голодные, почти голые, сильно похудевшие и почерневшие. В пути их обокрала "шпана", которая шныряла по всем железным дорогам страны в поисках пропитания.

Приехавшие принесли печальную весть: любимая внучка Тугана, красавица Саша, которой исполнилось 17 лет, умерла от голода, холода и тоски по родным. Её могилка осталась в поселке у железнодорожной станции Луговая Меркенского района Казахстана.

Туган совершил молитву-джаназа вместе с взрослыми мужчинами и матерью Саши по поводу безвременно умершей внучки и попросил Аллаха, чтобы её душа нашла успокоения в райских кущах, а не бродила по свету неприкаянной.

Мать Саши - Канитат, солдатская вдова с оставшимися на руках пятью малолетними детьми, почернела от горя. Несколько дней она не могла прийти в себя, а потом стала часто болеть. Печаль ее была безмерна. Смерть старшей и любимой дочери, первенца семьи, подорвала ее здоровье, осталась незаживающей, кровоточащей раной в сердце до конца земной жизни Канитат.

... Старый Туган никак не мог привыкнуть к жаркому климату пустыни, с палящим с утра до вечера солнцем на безоблачном небе, без одной капли дождя в течение многих месяцев. Он страдал от этого не меньше, чем от душевных ран и мрачных мыслей.

Глядя на тихо, незаметно текущую мутную воду водоводного канала, он наконец очнулся от тягостных воспоминаний и понял, что наступила пора полуденной молитвы - намаза. Туган подошел к шлюзу, где вода была более прозрачной, прополоскал рот и нос, помыл руки до локтей, ноги до щиколоток, произнес короткую предварительную молитву. Затем он постелил на траву бешмет вместо молитвенного коврика и стал молиться, оставшись наедине с Аллахом.

Его губы шептали: "О великий Аллах! Спаси своих верноподданных от тяжелой беды, останови войну, верни наших сыновей и сыновей всех матерей к своим очагам! Открой райские ворота погибшим и умершим! Молю тебя, о великий Аллах, не оставляй детей сиротами, жен без мужей, родителей без сыновей! Все в твоих силах. Подари нам мир и покой, верни нас на Родину, где по твоей воле мы появились на белый свет! Защити нас от жестоких духов и происков Иблиса - злого дьявола!"

В повседневной работе и чтении священного Корана Туган находил утешение, веру и надежду на лучшую долю в жизни.

Совершив намаз, он обул свои азиатские калоши, поднял бешмет, отряхнул, одел его на себя и поспешил на работу в поселок.

Мастерская по дереву, где плотничал Туган, была расположена на краю поселка в помещении, построенном из самана - кирпича-сырца из глины с примесью навоза и соломы, под земляной крышей. Его уже ждала небольшая толпа полуоборванных и полуголодных жителей поселка. Среди них Туган заметил своего младшего сынишку Айтека, который держал в руке маленький узелок с обедом для отца.

В своей мастерской Туган, кроме плотничных дел, выполнял и кузнечные работы. Он изготавливал все детали для параконных повозок: ободья для колес, дужки, рессоры, подушки и другие детали. Гужевой транспорт отделения совхоза был почти полностью на плечах Тугана и подручного молотобойца. В повозки запрягали лошадей, мулов и верблюдов, возили на них

из поселка на поля рабочих, а обратно - тюки хлопка и стебли хлопчатника (козопая) на растопку.

В перерывах между кузнечными работами и в вечерние часы старый Туган вырезал из дерева чаши, черпаки, ложки, которые он раздавал как садака - подавание бедным.

Спецпереселенцам выдавались хлебные карточки. По ним вместо хлеба часто выдавали пшеничное и ячменное зерно в перерасчете на хлеб. На одного работающего в день подагалось 500 гр. хлеба, на иждивенца - 300 гр.

У переселенцев не было средств покупать фаянсовую, фарфоровую или другую посуду. В войну и в послевоенные годы все пользовались в основном гончарными изделиями узбекских мастеров. Изготовленная Туганом Джаубаевичем деревянная утварь - традиционная посуда кавказских горцев, легкая и удобная, пользовалась большим спросом по всей округе, тем более что он дарил беднякам свои деревянные ложки, чашки и черпаки бесплатно. Туган был милосердным ко всем бедным без различия национальности. За это его полюбили и казахи, и узбеки, которые ценили изделия нового "усто" - мастера.

Долгая изнурительная война длилась уже четвертый год, изматывала все силы народа. Коренное население совхоза "Пахта-Арал", как и спецпереселенцы, тоже работало на выращивании хлопчатника. Надо сказать, что хлопок считался стратегическим сырьем, изделия из которого шли на обеспечение армии.

Нельзя сказать, что местное население жило безбедно, но они были свободными людьми, могли выезжать из района, торговать в соседних поселках и в городе, лучше обеспечивать свои потребности, чем бесправные ссыльные.

Старый Туган вынес на своем фартуке очередную партию деревянных изделий и раздал окружившему его оборванному и исхудавшему люду. В ответ слышались вперемешку слова благодарности мастеру на разных языках: "Сау бол", "Рахмет", "Спасибо", "Рахмат"...

После того, как люди разошлись, Туган расстелил

на верстаке фартук дастарханом - скатертью и вместе с маленьким Айтеком стал обедать. Принесенные лепешки были бугристые, не толстые и не тонкие. Было видно, что испечены они из муки грубого помола, - такая получается, когда зерно размалывают ручной мельницей. Лепешки были какие-то чешуйчатые, как рыба, блестели от ячменной шелухи, примешанной к пшеничной крупе.

Отец разделил кусочек сыра, большую часть отдал мальчику и налил в чашки горячий чай из алюминиевого чайника, подогретого им у кузнечного горна. После обеда отец погрузил на плечи сына вязанку дров и обрезков досок, и тот ушел домой.

Пришел молотобоец и они вместе на кузнечной наковальне оковали обручами два колеса и выкатили их из дверей мастерской. Вскоре явился казах - бригадир полеводческой бригады, верхом на черномордом верблюде. Туган помог ему привесить колеса на пропущенную между двумя верблюжьими горбами веревку. Бригадир поговорил с Туганом и молотобойцем несколько минут, сел на своего невозмутимого вида верблюда и уехал.

После окончания работы Туган совершил вечерний намаз и произнес:

- Слава Аллаху! Еще один день прошел без особых приключений, - и направился домой. Он не знал, что ожидало его там.

***

Семья Тугана жила в глинобитной землянке с земляной крышей и маленькими окошками. Такое помещение лучше сохраняет прохладу и в нем человеку легче дышится в знойные дни, когда в небе висит палящее азиатское солнце.

Возвращаясь с работы, старик издали увидел свое новое неказистое жилище и, в который раз, вспомнил свой высокий дом на холме, оставленный в родном краю. Тот дом был построен из срубов пихтового и соснового леса, в нем всегда пахло ароматной смолой, что освежало воздух в любое время года. Дом имел

четыре комнаты и большую кухню с горским очагом, вокруг которого собиралась вся большая семья. Очаг топили чинаровыми и дубовыми поленьями, что еще больше усиливало ощущение присутствия живого леса.

В новом жилище семьи Тугана, в землянке, было два отделения. В тесной кухне стояла печка, которая топилась стеблями хлопчатника. Они сгорали быстро, и истопнику надо было постоянно подкладывать в огонь новые снопы стеблей. Второе помещение, более просторное, служило и столовой и спальней для всей семьи.

Подойдя к дому и открыв деревянную калитку, Туган услышал душераздирающий женский крик и плач с причитаниями. В сторону вошедшего отца повернулись все домочадцы, одна из дочерей вскрикнула, обливаясь слезами: “Погиб наш брат!”

Туган сразу же поняв, что случилось, оглушенный плачем жены и детей, не смог сдержаться и тоже стал плакать, вытирая глаза рукавом бешмета.

Дочь Дина протянула отцу письмо. Он, успокаивая детей, сказал ей: “Читай!” И Дина стала читать:

“ 1-е января 1945 года.

Здравствуйте, родные Хапаева Бориса Тугановича! Не знаю, кто там есть из родных Бориса, но случайно нашла его домашний адрес и решила сообщить вам судьбу Бориса Тугановича.

В начале 1942 года он попал в плен к немцам и работал в плену до августа 1943 года. Имел крепкую связь с партизанами и 26 августа 1943 года был забран немецким гестапо и повешен в совхозе “Красный Профинтерн” Черниговской области. Согласно приказу немецко-фашистских зверей он 2 дня был на виселице. По приходу частей наших войск Борис Туганович был похоронен как славный партизан, и поставлен памятник ему частями Красной Армии. Если только у Бориса есть жена и дети, или старые родители, и если вы не получили извещение о его смерти, то сообщите. Я постараюсь выслать вам справку, выхлопочу у военкомата, и вы будете получать от государства помощь как семья погибшего партизана. Мой брат был вместе с Борисом и у него остался адрес Бориса.

Как получите, пишите по адресу:

Черниговская область, Сребрянский район, совхоз "Красный Профинтерн", Кириндась Прасковья Васильевна".

Вскоре во двор Тугана вошла небольшая группа людей, мужчины и женщины. Это были соседи и знакомые, которые пришли выразить свои соболезнования по поводу тяжелой утраты.

Туган велел, чтобы из землянки вынесли одежду Бориса, которую хранила мать. Принесли каракулевую шапку и черкеску, положили поодаль на топчан. Пришедшие встали в ряд за Туганом и с воздетыми вверх ладонями свершили джаназы - обряд по погибшему.

В подобных случаях пришедшие выразить соболезнования для утешения родителей умершего воздают дань уважения ушедшему из этого мира, отмечают его след на земле, воздают хвалу его добрым делам. Один из аксакалов, обращаясь к Тугану, произнес:

- Ваш сын остался верен наказам наших предков, которые говорили: "Даже если твой рот наполнится кровью, не выдавай тайну врагу!" А такому джигиту в раю самое почетное место принадлежит по праву и по справедливости. Крепитесь в этот горестный трудный час. Мужество и стойкость ваша будут опорой вашей семье. А сын ваш своим подвигом поднял честь нашего народа и отменяет возведенную на него клевету".

Туган Джаубаевич, подпоясанный черным башлыком, согнутый горьким известием, сказал:

- Спасибо вам, люди, что пришли помянуть моего сына в тяжелый для нас день. Аллах дал мне сына, а война отобрала.

С его уст слетали слова "казнь", "казнили", "виселища", седая борода тряслась, и по ней стекали крупные капли слез, падая на землю. Сквозь слезы Туган прошептал:

- Если бы мои младшие сыновья Алим и Айтек были бы взрослыми парнями, я бы их послал на фронт отомстить душманам за старшего брата. Но они еще малы...

Старики в один голос уверили:

- Вы на этой войне много потеряли. Четыре зятя и

любимый старший сын отдали свои жизни за Родину. Мы, твои земляки, напишем об этом в письмах своим сыновьям-фронтовикам: "Отомстите за сына Тугана Хапаева - Абдуллу! Его казнили фашисты на Черниговщине!"

- Да, да, сегодня же напишем! - раздавались голоса.

- Спасибо вам, пусть Аллах одарит ваших сыновей силой и мужеством - облегченно вздохнул Туган.

Один из пришедших, стоящий впереди толпы, попросил:

- Эфенди, свершите дуа, поминальную молитву, еще по одному погибшему на фронте джигиту - Анзору Хапаеву!

Туган Джаубаевич прочитал молитву, и люди, вскинув руки к небу, сказали "Аминь!"

Мужчины стали припоминать, чей же сын Анзор, и уточнили, что он близкий родственник Тугана, сын Гитче Хапаева из аула Хурзук, еще один джигит, погибший по-геройски. О нем рассказали следующее. Анзор до войны работал сначала учителем в школе, затем инспектором Учкуланского районного отдела народного образования. В ряды Красной Армии был призван в 1939 году, как и сын Тугана воевал на фронте с первых дней войны. В 1941 году в бою на подступах к Харькову, когда был убит комбат, младший политрук Анзор Хапаев принял командование батальоном на себя. Батальон уничтожил много фашистов, сжег 4 танка и несколько вражеских автомашин. Но и сам Анзор был тяжело ранен. Среди раненых воинов его опознал земляк Хамзат Тоторкулов, который вынес с поля боя и отправил в полевой госпиталь. Анзор выжил, вернулся в свою часть. Защищал Москву, воевал на Киевском направлении, участвовал в освобождении г. Киева. Погиб 2 ноября 1943 года под Киевом и похоронен в братской могиле. В день его гибели, 2 ноября 1943 года, мать воина, как и всех карачаевцев, выселяли с исторической Родины! Как это можно было понять? Наверное, и в правительстве есть враги народа?

Война коснулась всех присутствовавших, каждый вспоминал своих близких, не вернувшихся с войны или умерших в ссылке.

Вещи Бориса бережно перенесли в землянку, положили в середине комнаты, поближе к матери, и женщины по обычаю стали оплакивать погибшего. Сквозь стенания, причитания и общий плач слышались такие слова плакальщиц:

- Убили нашего сына палачи - хищники, вскормленные не материнской грудью, а змеиным молоком, имеющие собачьи сердца, волчьи повадки, ненасытные человеческой кровью!

- Пусть Гитлер и его отродье сгинут и превратятся в золу и пепел!

- О великий Аллах, спаси мир от коричневой чумы. Заклинаем: о солнце, о луна, о земля, дайте неистощимую силу нашим воинам, чтобы загнать бешеного зверя в его берлогу, пусть он будет придавлен железной горой, чтобы не видел он больше белый свет!

Ритм плача причитаниями поддерживали голоса сестер Бориса. Потом, как взрывная волна, раздался скорбный плач матери:

- О, мой сокол, где же ты остался,
Кто же мог твой меч одолеть?
Кто стреножил твоего коня,
Коня вороного с храбрым сердцем?..

Здесь же присутствующие узнали историю письма, отправленного Прасковьей Кириндась на родину Хапаевых в Карачай в январе 1945 года. Письмо долго блуждало. Оно не застало адресатов в связи с их выселением. Письмо случайно заметил в аульной почте ногаец Бесен Кутушев, бывший сосед семьи Хапаевых. Бесен был старшим сыном в большой семье Амина Кутушева, прибывшего в Карачай из ногайских степей в голодные 30-е годы. Маринцы приютили ногайскую семью и спасли от голодной смерти. Бесен Кутушев, который в одночасье лишился всех своих друзей и сверстников - карачаевцев, переживал и сочувствовал им. Увидев послание из Черниговщины, он, не вскрывая его, вложил в другой конверт и выслал в Казахстан Хапаевым, новый адрес которых был ему

известен по переписке с дочерью Тугана - его бывшими одноклассницами. Так Бесен оказал неоценимую услугу семье Хапаевых.

Траур продолжался. Родственники и знакомые ходили три дня, чтобы разделить горе семьи по случаю тяжелой мученической смерти земляка, в очередной раз выразить свое недоумение и возмущение по поводу ссылки родителей и родственников патриота Родины.

Туган где-то достал барана, его зарезали и устроили поминки. Мать и сестры погибшего повязали черные косынки.

Под диктовку отца Дина написала ответное письмо, в котором говорилось:

“Уважаемая Прасковья Васильевна!

Письмо, отправленное Вами на Кавказ, мы получили в Казахстане. Хотя весть, сообщенная Вами, для нас крайне тяжелая, мы, наконец, узнали о судьбе нашего сына и брата, что он погиб, защищая Родину. Спасибо Вам за теплые слова о нашем сыне, за Ваше заботливое отношение и добрую память о нем.

Разумеется, нам хочется хоть немного утешить свое горе: посетить его могилу. Но у нас сейчас нет никакой возможности на выезд. Однако мы надеемся, что война скоро закончится и будет воля всевышнего Аллаха на наше свидание с любимым сыном и с Вами.

Напишите, пожалуйста, более подробно, до самых мелочей, что Вам известно о нашем сыне Борисе.

Отец Туган Джаубаевич Хапаев и его семья. 21 марта 1945 года”.

Далее Дина перечислила всех членов семьи поименно и что-то еще приписала от себя. Письмо отправили по почте. Но все же какие-то слабые сомнения, какая-то слабая надежда оставалась в душе отца. Туган надеялся, что может быть в письме речь идет об однофамильце. Хотя сына многие и называли Борисом, но все же по документам он был Абдулла.

*****

Шли тягостные дни. Домочадцы отгоняли смерть прочь от своего дома. Никто из них не хотел верить,

что они никогда больше не увидят широкую добрую улыбку и не услышат родной ласковый голос любимого сына и брата. Им хотелось получить более достоверные сведения.

Их думы и сердца заполняли воспоминания, сохраняя живыми все поступки и дела своих предков. Эти думы уносили их на Кавказ, в родные края, к своим родовым корням.

Раньше, когда вечерами вокруг отца и матери собиралась вся большая семья Хапаевых, родители давали свои семейные уроки, рассказывали о своих предках.

Жена Тугана Байдымат Ибраевна напоминала о своем знатном и храбром роде, который назывался Коркмазовы, что означает "Бесстрашные". Она вспоминала своих братьев Махамета, Ахмата, Абдурахмана, Хамзата и погибшего в первые дни войны младшего брата Муссу. Перед глазами слушавших вставал образ отца Байдымат - великана, который славился силой и доблестью, и ее матери Абидат из славного рода Блимготовых. В израненном сердце матери ее родители всегда оставались живыми, хотя скорбное известие об их смерти она получила в первый же год переселения на новое место. Они, два старика, оторванные от своих детей, испытав на себе все тяготы и унижения принудительной ссылки, умерли холодной зимой 1944 года в степном поселке за песками Кызыл-Кумов, в местечке Сайрам.

Байдымат Ибраевна любила рассказывать о своем деде по матери, старшине обоих аулов Мара, Кючуке, сыне Тохуя Блимготова, который был делегатом от Карачая на празднование 300-летия царствования семьи Романовых в Санкт-Петербург. Умер он в 1910 году и в центре аула над его могилой был построен кешене - мавзолей, купол которого сохранился и по сей день.

Не меньше, чем мать семейства, гордился своими предками и Туган. Нередко родители полусуют спорили между собой о знатности своих родословных.

У старого Тугана предки были не менее знаменитые, и он гордился ими по праву. Прапрадед его Хапа был свободолюбивым, гордым и смелым человеком. В

Хурзуке, старинном карачаевском ауле, расположенном у самых истоков Кубани, в долине - колыбели и гордости Карачая, об основателе рода Хапаевых слагались легенды и песни. О нем ходила слава, как о самом справедливом, независимом и гордом человеке в округе.

Туган гордился дедушкой Чаху, который в давние времена переселился со своей семьей в Маринскую долину. Чаху был неутомимым охотником, знатоком горных перевалов, звериных троп и дорог в горах. Всех Хапаевых в ауле Мара называли Чахулары - потомки Чаху, по имени первопроходца и одного из основателей аула Мара.

Все соплеменники из рода Чаху жили в центре аула, имели свои сенокосные, пастбищные угодья и закрепленные за ними пашни.

Старики в ауле любили рассказывать о подвигах Чаху, знаменитого в Карачае охотника, который на недели и месяцы уходил в горы и всегда возвращался с богатой добычей. Они рассказывали, как он поднялся на Минги-Тау - Эльбрус и покорил одну из его вершин, как он спустился оттуда, сидя на своем железном посохе Муджра, как он исходил истоки всех больших рек Карачая - Кубани, Теберды, Лабы, Зеленчука и их притоков, побывал на перевалах Клухор, Махар, Маруха, Санчар, Загедан.

Старый Туган помнил с мальчишеских лет бабушку Айхан - Повелительницу Луны, красавицу из благородного рода Чотчаевых, которая родила пять сыновей и трех дочерей и прожила долгую жизнь. Все ее дети стали главами многодетных семей, считались долгожителями.

Первенец Айхан и Чаху - Барак был силачом, славился тем, что никто не мог с ним тягаться на сенокосе, был первым косарем в ауле. Жена его была из рода Джанкёзовых, и вместе они воспитали двоих сыновей и шестерых дочерей.

Второй сын Чаху - Тохтар Хаджи, был знатоком священного Корана, хадисов и свода мусульманских законов - Шариата, первым из рода Хапаевых совер-

шил в 1890 году хадж - паломничество в города Мекку и Медину, в Дом Аллаха - Каабу.

Джауба был третьим сыном Чаху, умершего до рождения своего внука - сына Джаубы Тугана. Джауба славился своим мастерством строителя - плотника и скотовода. У него и красавицы Крымхан родились и выросли три сына и семь дочерей. У Джаубы было любимое изречение: "Чем больше детей в семье, тем больше счастья", - и его дети продолжили родовые традиции: Ахья имел шестерых сыновей и трех дочерей, Туган - трех сыновей и десять дочерей.

Младший брат Джаубы - Тауба больше всего любил ухаживать за лошадьми, держал великолепных скакунов, женился на девушке по имени Джюджек из рода Темрезовых, имел одну дочь и шестерых сыновей, трое из которых пали на фронте от рук фашистов. Тауба прожил 118 лет и умер перед выселением карачаевцев.

Самый младший сын Чаху - Таулан был знатоком торговых дел, много ездил по России, бывал в Санкт-Петербурге, имел торговую точку в ауле, воспитал семерых сыновей и двоих дочерей.

Дочь Чаху Галу была замужем за Джуртчубаем Темирлиевым из аула Сары-Тюз, считалась матерью рода Темирлиевых. Ее сын Ибрагим работал на посту первого секретаря Карачаевского Обкома ВКП (б) в конце 30-х годов.

Вторая дочь Чаху - Айшат вышла замуж за Ахмата Кокаева, а третья дочь Болду - за Сеитбия Кубанова.

Туган вспоминал всех своих предков и родственников поименно, совершал отдельную молитву по умершим, прося у Аллаха предоставить всем им место в раю как истинным правоверным мусульманам.

...Мать, Байдымат Ибраевна, вспоминала детские годы сына Абдуллы, первенца, ласкового и бойкого сорванца Абу. Незаметно промелькнуло его детство, и вот перед нею красивый и статный юноша. Когда ему исполнилось 15 лет, в семье отметили обряд взросления, посвящения в пастуха и косаря.

Муж старшей сестры Сапият - Ильяс Герюгов, ра-

ботавший в Микоян-Шахаре директором промбыткомбината, подарил юноше национальный костюм, которым тот был очень доволен и, одевшись, пустился в пляс в семейном кругу, радуя всех. А когда он завершил танец, отец сказал: “Теперь ты иди покажи новый наряд своему любимому Вороному, стоящему у коновязи. Покажи, какой ты теперь всадник”.

Разгоряченный сын радостно вышел из дому, отвязал своего Вороного, вскочил в седло и, поднимая пыль на дороге, ускакал. Глядя на Абдуллу, сердца родителей и близких бились от радости, что их сын и брат повзрослел, стал похожим на молодого орла, крыльям которого подвластны близкие и дальние просторы.

Так будет продолжаться вечно, думали в семье, кто тогда мог знать, где сложит свои крылья их сын - джигит и что подаренная ему в юности одежда горского покроя может потерять своего хозяина - всадника и стать атрибутом скорбной поминальной панихиды в далеких и чужих степях туркестанского края.

Еще много дней принимал Туган соболезнования приходивших людей. Хотя близкие родственники были по почте извещены о гибели Бориса, многие из них не смогли приехать из других районов Казахстана, не говоря уже о тех, кто попал на поселение в другую республику, в Киргизстан.

Лица, выезжающие за пределы своего населенного пункта без разрешения спецкомендатуры, карались в уголовном порядке. А разрешения на выезд, например, на похороны родственников, выдавались областным управлением или республиканским министерством внутренних дел по ходатайству местных органов надзора. Это была затяжная переписка, а похороны нельзя было откладывать: трупы в жару быстро разлагались.

Туган и в семье сам выполнял роль эфенди. В детстве он с пяти лет ходил в медресе - мусульманскую начальную местную школу на Кавказе и освоил все правила исполнения религиозных обрядов и ритуалов шариата. Кроме того, он самостоятельно занимался над совершенствованием своих духовных знаний, читал и писал по-арабски, толковал суры Корана, в результате

чего, к приходу советской власти уже слыл в округе в сане эфенди.

Многое повидали его глаза. В 20-е годы на высокогорном плато Покун Сырты, будучи пастухом, он оказался очевидцем кровавой схватки, когда вступили в бой всадники с саблями - небольшой красноармейский отряд и группа белогвардейцев. Он видел, как падали с обрыва в проспять и кони и всадники красных и белых...

Потом перед его взором прошел период коллективизации 30-х годов. Он вспоминал, как сгоняли в колхоз единоличников под предлогом: "Вступление в колхоз - дело добровольное, но обязательное!" Люди отдавали в колхоз скот и плуги со слезами, понимали, что иначе их как врагов колхозного строя арестуют и сошлют куда-нибудь на Соловки или в Сибирь. Многим пришлось испытать такую участь в период ежовщины и жить с клеймом врага народа.

А сколько было арестовано горцев, мало-мальски умеющих писать или читать по-арабски! Ему вспомнились тяжкие времена, когда мужчины боялись произносить вслух приветствие "Ас-саламу алейкум" (Мир дому твоему) при встрече друг с другом. За такое могли причислить к враждебному сословию - мусульманскому духовенству и подвергнуть наказанию.

В 1937 году в аул из областного управления НКВД приехал оперуполномоченный и пригласил в контору колхоза плотника и молотобойца, работавших тогда вместе с Туганом. Им было предложено подписать донесение, будто эфенди Туган Хапаев ведет среди аульчан агитацию против колхозного строя и ненавидит активистов из местного "Союза воинствующих безбожных". Но вызванные на допрос крестьяне отказались подписать донос. Тогда оперуполномоченный стал им объяснять: "Эфенди будет судить "тройка" на особом совещании, никто не узнает, кто был свидетелем. А за эту услугу мы назначим одного из вас бригадиром в колхозе, а другого - кладовщиком". "Нет, этого мы сделать не можем!" - сказали они и наотрез отказались подписывать тайное донесение.

Оперуполномоченный отпустил одного, а другого задержал. Вытащив револьвер, он стал угрожать крестьянину. Тот, испугавшись, выбежал из конторы на улицу и стал кричать: "Меня убивают, меня убивают!". Вскоре он исчез в толпе женщин, стоящих у магазина в очереди за мануфактурой.

Времена были тревожные. Из аула один за другим исчезали многие безвинные уважаемые люди. Так, был арестован эфенди аула Шогай Малсугенов - муж сестры Тугана Джулдуз.

У некоторой части аульчан под напором пропаганды просыпались самые низменные побуждения - ненависть, месть, зависть, которые толкали людей писать ложные доносы на соседей и знакомых.

Особо рьяные партийцы и комсомольские активисты ходили по домам, отбирали книги, написанные арабским шрифтом, и сжигали их на кострах. Тогда Туган соорудил деревянный сундучок, аккуратно сложил в него свои книги, в том числе и Коран, с которым он не расставался с детства. Темной безлунной ночью он отнес сундучок в глухой лес и спрятал в пещеру.

Но и старому Тугану не удалось избежать участи безвинно брошенных в подвалы ГПУ в 1937 году, первом "черном" году в его жизни. По чьему-то доносу в один из летних дней того года его, колхозного плотника, пригласили в контору. Войдя туда, он увидел сидящего за столом работника НКВД и двух милиционеров. Ничего не объясняя, его повезли в областной центр Микоян-Шахар. На вопросы Тугана "За что, зачем?" сопровождавший его милиционер ответил: "Там узнаешь".

До сих пор, по прошествии многих лет, Туган так и не находил ответа на вопросы, за что его арестовали, кто написал на него донос, за что он томился без суда и без следствия шесть бесконечно долгих месяцев в тюрьме, где его даже ни разу не вызвали на допрос?

Потом Туган узнал, как его земляки ходили ходатайствовать о его освобождении в обком партии и облисполком, писали прошение в Краевое управление ГПУ. В аул приехали двое оперуполномоченных из управления, собрали аульчан и спросили:

- Кто слышал, что Туган Хапаев осуждал разрушение мечети и строительство из ее камня колхозной фермы, или как он агитировал не вступать в колхоз?

Ни один человек не сказал ничего плохого о Тугане. Все говорили о нем только хорошее, и он, узник подвала ГПУ, был отпущен домой. С него взяли подписку, что он, Хапаев Туган, житель аула Мара, будет помогать строить новую жизнь, что он никогда не выступит против Советской власти.

Самый умелый в ауле, самый лучший мастер "золотые руки" строил новые колхозные фермы, новые дома, был бригадиром и неизменным членом правления колхоза, всегда старался помогать бедным и нуждающимся. А нуждающихся в то время было предостаточно. Почти все, что производилось в колхозе (зерно, мясо, молоко), отбиралось и отправлялось на госпоставки.

*****

С большим нетерпением ожидали Хапаевы новых вестей о сыне из Черниговщины. И вот пришло второе письмо:

"11.04.1945 г.

Уважаемые Туган Джаубаевич, Байдымат Ибраевна, Сапият, Дина, Дильпуруз, Хаджат, Хабибат, Нюра, Алим и маленький Айтек, здравствуйте!

Шлю я вам горячий привет и желаю хороших успехов в вашей жизни.

Сегодня получила ваше письмо, сердечно благодарю вас, я очень рада, что вы теперь знаете, что ваш сын погиб героем.

Получив письмо, я долго-долго стояла у могилы Бориса, мне хотелось и ему передать привет от родителей из далекого края, но угрюмый памятник уныло стоял в красивой изгороди могилы и молчал. Только весенний ветер беспрерывно качал кустик розы, посаженный на могиле. Мне хотелось передать вам, дорогие мои, теплое и ласковое слово вашего сына, но увы! Борис уснул вечным сном. Уже не увидит нам его высокой стройной фигуры. Уже не придет он больше к нам с товарищами, погулять, побеседовать. Невыноси-

мо жаль. Одно только успокаивает, что погиб героем. Он часто говорил так: "Чем жить на коленях, лучше помереть стоя". Вы спрашиваете о его имени. Отвечаю: он сам говорил, что его настоящее имя Абдулла, а партизанское - Борис, наверное, для конспирации.

Дорогие, вы спрашиваете о его товарищах. Товарищей у Бориса было много. Но одним из вернейших был мой двоюродный брат Леонид Кириндась. Они шли с ним одной дорогой. И несколько раз они вместе прятались от немецкого гестапо. Но в одну из ночей гестапо их забрало: Леонида, Бориса и еще четырех их товарищей. Отвезли их в райцентр на допрос. И там четверых товарищей расстреляли. Бориса привезли и повесили, а Леонида увезли на машине в Киев. И когда его вели на расстрел, он сбежал. При побеге был ранен, но остался жив. Вот его адрес: г. Омск-3, ЗПУ Литер "В", Кириндась Леонид Иосифович.

Пусть Дина и Хаджат напишут ему, он много расскажет о Борисе. Ведь они были неразлучными друзьями.

Далее вы спрашиваете, не женился ли он у нас. Нет, вел себя честно и скромно. Имел хороших товарищей, но не женился. Мы все по его поведению думали, что он женат и имеет семью на родине.

Леонид с Борисом знали, что их преследует немецкая разведка. Сменяли белье у нас, забирались в укромные места и подолгу оставались там вдвоем, обсуждая какие-то неведомые для нас планы.

Выходя на работу, Борис косил рожь, пшеницу, такой здоровый был, что коса в его руках была как игрушка.

Да, как тяжело вспоминать теперь человека, который всё время строил планы будущей жизни, но осуществить их помешала варварская петля, оборвавшая его молодую жизнь.

Не плачьте, дорогие! Твердо и уверенно шагайте по Советской земле и знайте, что ваш сын отдал жизнь за то, чтобы отец, мать, сестры и братья, - как он говорил, - не жили на коленях, а открытой дорогой шагали в светлое будущее.

Насчет справки схожу в военкомат и узнаю, потом напишу вам.

Родные Дина и Хаджат! Убедительно прошу вас, вышлите мне свои фотокарточки, буду очень благодарна. Изъявляю свое неумолимое желание вести с вами переписку. Пишите о своей казахстанской жизни. Чем занимаетесь? Какая у вас погода? Наверное, у вас уже тепло, а мы только сеем, еще погода холодная. Почему вы оказались так далеко, ведь вы же до войны жили на Кавказе? Пишите обо всем.

К 1-му Маю уберу могилу вашего брата, посажу цветы, сделаю венок и за вас буду посещать ее часто-часто, хотя каждое посещение отнимает у меня полздоровья.

Коротко о себе. Я уроженка России, Воронежской области, 1923 года рождения. Муж погиб в 1943 году в Курской области. Работаю в совхозе ветфельдшером. Воспитываю сына без отца. Тяжело мне в 22 года своей жизни воспитывать сиротку.

До свидания. Целую вас всех. Паша”.

Письмо в семье перечитывали снова и снова. Мать и сестры плакали над ним. Отец погрузился в глубокие раздумья и сказал:

- Да, речь в письме идет о нашем сыне! Но все же, все же надо еще уточнить детали, факты, совпадут ли высказывания друзей с сообщением этой женщины. Дети мои, запросите ее брата, посмотрим, что он скажет.

И еще одно. Выясните, чей это ребенок, которого она воспитывает, от первого мужа или от нашего сына? Бедная женщина, похоже, что она любила и любит нашего сына! Нам понятны её стенания. Чем же нам утешить ее, облегчить ее горе? Пишите о нашей казахстанской жизни, но нельзя ее огорчать сообщениями о нашей участи. Не пишите, что нас сослали. Чуткая и добрая душа Паши не выдержит такого удара. Пусть она думает, что мы эвакуированы во время военных действий или просто сами поменяли место жительства.

Передайте ей наш низкий поклон за память о нашем сыне и уход за его могилой. Соберите ей и мальчику какие-нибудь подарки.

Сестры Дина и Хаджат сразу же написали письмо брату Паши Леониду в Омск с просьбой сообщить, что он знает об их брате Борисе Хапаеве? Затем принялись за сочинение ответного письма Паше. Но они никак не могли собраться с мыслями, как бы у ней получить ответ на такой деликатный вопрос, в каких взаимоотношениях она была с их братом, не их ли племянника воспитывает она? Два - три дня они обдумывали, как лучше спросить об этом. Не только родственные чувства горели в них, но и чисто женское любопытство не давало им покоя.

Наконец они пришли к такому изложению письма: "Дорогая Паша! Великое спасибо Вам и поклон шлют наши родители за доброе отношение к их сыну, нашему брату.

Ваши сердечные слова воскрешают образ брата и делают его живым для нас. Мы перечитываем Ваши письма всей семьей, восхищаемся не только мужеством нашего брата, который героически сражался до последнего вздоха за честь и свободу нашей Родины, но и Вашим гражданским подвигом. Милая Паша! Спасибо Вам, доброй русской женщине, принявшей горячее участие в героической судьбе нашего брата, за то, что Вы делили с ним веру в Победу, кров и хлеб-соль в тяжелые дни борьбы с жестоким врагом в глубоком тылу на украинской земле.

Ваше чуткое отношение к Борису при жизни его и после гибели - лучшая награда его памяти и облегчающая повязка нашим раненым сердцам.

Пусть трагически погиб наш брат, но память о нем будет жить вечно, пока мы и наши потомки будут дышать и ходить по земле. И Вы нам в этом опора и надежда.

Мы будем вести с Вами переписку, будем поддерживать друг друга в это нелегкое время. Мы будем жить, значит с нами будет жить наш любимый брат и Ваш друг Борис!

Пожалуйста, посетите могилу брата за нас и передайте ему, что мы живы-здоровы, очень скорбим по нему. Нам хочется поехать и проведать его могилу, но

судьба наша так сложилась, что мы в данный момент не можем выполнить этот священный долг.

Вы спрашиваете, почему мы оказались так далеко, ведь жили до войны на Кавказе? Наш аул был расположен недалеко от Кисловодска, через небольшой горный перевал. Наши земляки-аульчане с давних пор, еще до Октябрьской революции гнали скот на рынки Кисловодска. Вы - ветеринарный работник, может быть, знаете, что у нас в горах в основном лошади и овцы карачаевской породы.

Кони верховые шли на аукцион для казачьего войска. А карачаевская порода овец, курдючная, знаменита тем, что ее полугрубая шерсть незаменима при изготовлении бурок. А бурка - дом для всадника. Славится и мясо ее, шашлык из которого по своему вкусу не имеет равных, он какой-то ароматный, так как овцы эти содержатся на чистом воздухе, на альпийских лугах, даже зимой отары пасутся на подножном корму, словно северные олени на ягеле в тундре.

В своем хозяйстве мы всегда имели коров, овец и коз. Но война у нас отняла все, что было нажито веками. И не только война.

Как мы оказались в Азии? Путь сюда был очень трудный, лучше мы не будем рассказывать, чтобы и Вас не расстраивать. Нам писать об этом очень больно.

Лучше расскажем о том, как мы живем под Туркестанским небом. Время наше проходит в трудах и заботах. Мы выращиваем хлопок. Папа наш - мастеровой, плотник и кузнец, работает в мастерских совхозной базы. Мама дома, все плачет о сыне Борисе, мы стараемся ее успокоить, поддерживаем. Дни своей юности мы коротаем на хлопковых полях под знойным азиатским солнцем. Белолицые горянки Кавказа приняли здесь восточный бронзовый загар, но зато мы выращиваем белый-белый хлопок, который называют "белым золотом".

Особенно красиво, когда поле раскрывает свои белые пушистые коробочки, которые мы собираем в большие бурты. Хлопок-сырец отправляется на завод, а после очистки - на фабрики. Наш труд красиво одевает людей.

Здесь с марта по ноябрь почти не бывает дождя. С середины марта - пахота, обработка семян, маркировка рядов, посев сеялками, боронование, поливы. После появления всходов хлопчатника начинается самая тяжелая работа: прореживание через каждые 5 сантиметров вручную, прополка 2-3 раза, рыхление корней (мотыжка) по рядам, чеканка (удаление верхушек), сбор вредных червяков вручную.

А в сентябре в разгаре сбор хлопка из раскрывшихся коробочек, каждый куст надо обходить по 3-5 раз. Потом сбор курака - так называют оставшиеся недозрелыми коробочки.

Страда уборки в году бывает самой трудной. Норма сбора на одного человека - 60 кг хлопка-сырца. На хлопкоуборку направляют все силы, школьники 5-10 классов не учатся до 7 ноября, работают на сборе хлопка.

Мобилизуют даже женщин с грудными детьми. Женщины закрывают малолетних детей в домах на ключ, они голодные кричат до потери сознания. Многие молодые матери теряют молоко, часто болеют.

Если кто не выполнит норму сбора хлопка, тот вечером не получит стебли хлопчатника. А они нужны для того, чтобы топить печь.

Живем на хлебных карточках. Хлеба мало, но фруктов, арбузов и дынь полно.

Здесь есть еще одно неудобство: нас беспокоит малярийный комар, который разводится в стоячих водоемах, где растет камыш и квакают лягушки. Укус комара наносит боль и разносит заразную болезнь. Многие слабые люди не выдерживают эту ужасную лихорадку. Ночью мы спим в накомарниках - масахана, как в марлевых мешках. Иногда их шьем из канар - мешков, которые нам дают для сбора хлопка.

Все это мы пишем, чтобы Вы, Паша, представили себе нашу жизнь.

Из цветов больше всего мы любим красные розы и выращиваем их. Они здесь багрово-алые и хорошо растут. Мы вышлем семена азиатских цветов или саженцы роз, чтобы Вы посадили их от нашего имени на могилу брата.

Будем благодарны, если пришлете извещение от военкомата о гибели брата, для получения пенсии родителям, и фотоснимок его могилы.

Мама собирает Вам посылочку, но на почте требуют какую-то справку.

Милая Паша! Извините нас за деликатный вопрос. Не смогли бы Вы рассказать о личных взаимоотношениях между Борисом и Вами, судя по письмам, вы были близкими друзьями, не общий ли у вас мальчик? Если так, мы будем еще ближе и роднее. Обнимите и поцелуйте Толика за нас. Берегите его.

Пишите о себе. Хотелось бы иметь Ваше фото с мальчиком. Примите приветы от всей нашей семьи.

Дина и Хаджат. 20.04.1945 г."

*****

9 мая 1945 г. Победа.

По главной улице поселка, поднимая пыль, на коне без седла мчался всадник - подросток в военной фуражке, и во все горло кричал:

- Суююмчу!¹ Кончилась война! Победа! Идите на майдан! На майдан! На майдан!

Люди выбегали на дорогу. Обнимая друг друга, радовались и плакали.

Потом все потянулись в сторону конторы, где за несколько минут собралось много людей. Двор конторы и был майданом, куда созывал всех конный вестник.

Управляющий отделением, Файзулла, поднялся на бетонную тумбу, размахивая красным флажком в левой руке (правую он потерял на войне). Не дожидаясь все подходивших и подходящих людей, он начал импровизированный митинг:

- Братья и сестры! Поздравляю вас с окончанием войны! Теперь ваши отцы, мужья и сыновья вернутся домой. Да здравствует Победа! Ур-р-ра!!!

Все присутствующие многократно повторили "Ура!"

---

¹ Суююмчу - радостная весть

Следом выступили еще несколько человек. Потом управляющий слез с тумбы, окликнул участников войны, которых в толпе оказалось семь человек, и повел их в сторону столовой.

Собравшиеся люди еще долго не расходились. Не было предела слезам радости и скорби.

Туган вернулся домой. Переступив порог землянки и глядя на плачущую жену, он возмущенно произнес:

- Вот как это называется: сынки и пасынки! Управляющий увел участников войны и коменданта отмечать День Победы! А нас с Хаджи-Муратом не пригласил!

Жена, вытирая слезы, возразила ему:

- Хаджи-Мурат - фронтовик, хоть и карачаевец, он мог быть приглашен, а ты на каком фронте воевал?

- Как на каком фронте?! Я воевал на всех фронтах, и в действующей армии, и на трудовом фронте! Пять членов моей семьи отдали свои жизни за эту Победу, и сам я, не покладая рук, работал в тылу. Разве я не участник войны?

- Атам¹! Вы, конечно, участник войны, дважды участник! Но разве комендант допустит тебя, ссыльного, сидеть в одном ряду с ним? - включилась в разговор дочь Дина. - Главное, что кончилась война. Будет праздник и на нашей улице, но когда и где? На Кавказе! Да, на Кавказе, а кто мы здесь, бесправные рабы!

Этот спор длился бы бесконечно долго, если бы в разговор не вмешался маленький Айтек.

- Атам, теперь приедет домой Абу? - так он называл старшего брата Абдуллу.

- Конечно, конечно, приедет... - погладил его голову отец и отвел свой взгляд в сторону.

- А почему мама плачет? А Абу плакал, когда он был маленьким? - продолжал Айтек.

- Он не был плаксой. Я его видел плачущим только один раз.

- Атам, а почему он плакал? - спросил любопытный малыш.

---

¹ Атам - отец

Отец присел на низкую табуретку, посадил сына на свои колени и стал рассказывать. Рассказ отца слушала вся семья.

- Раньше у нас были на Кавказе свои телята, барашки, козлята. Абу пас их за аулом, дома кормил их и поил. Он любил с ними возиться. И они за ним ходили, как привязанные, стали ручными.

Сначала в первые годы советской власти мы, крестьяне, объединялись группами в ТОЗы и СОЗы¹, а потом всех погнали в колхоз. Когда мы вступили в колхоз, надо было внести свой пай: скот, семена, инвентарь. У нас было два больших серых вола, высокие, красивющие, как зубры. Пришли в наш двор, чтобы забрать этих быков, активисты колхоза - комсомольцы. Абу стал поперек, схватил за налыгач волов:

- Не отдам никому наших быков! Как нам обойтись без них? На чем возить сено, дрова?

- Сынок, отдай, колхоз будет выделять волов или другой транспорт, когда нам будет надо! - объяснял я.

- Мы же сами вырастили их из бычков. Сами приручили к ярму. Зачем отдавать свое и потом просить у кого-то? - не успокаивался сын.

- Малыш, отпусти: эти волы уже не ваши, а колхозные, общие! - дернул за ременный налыгач секретарь комсомольской ячейки колхоза.

Завязалась драка. Я еле увел сына. Вот тогда он и плакал от обиды. В ту ночь Абу ушел из дому. Мы искали его, но, узнав, что он ночует у родственников, успокоились.

- Атам, почему ты не встал на его сторону?

- Что дороже тебе, сынок, отец или волы?

- Конечно, ты, но и волов тоже жалко.

- Нет, я уже был занесен в предварительные списки лиц, подлежащих раскулачиванию, к тому же к людям с именем эфенди относились с недоверием. Арестовывали и отправляли в тюрьму. Мечети были все запрещены.

---

¹ ТОЗ - товарищеская обработка земли; СОЗ - совместная обработка земли.

Я вступил в колхоз, сдал волов, повозку, плуг, потому и остался цел. А добро нажать можно.

После окончания школы крестьянской молодежи в ауле стал Абу со мною работать в мастерских колхоза учеником плотника.

А потом друзья его поманили на горное плато, на чистый воздух, работать табунщиком. Он с детства очень любил лошадей. В этой его привязанности сыграл немаловажную роль один офицер. В 30-е годы крестьяне имели свое домашнее хозяйство. Наш кош стоял на отгонном пастбище, на плато с видом на Эльбрус. По соседству с нашим, на кошу своего отца, жил отставной офицер российской армии из так называемой Дикой дивизии, в которой служили в основном горцы Северного Кавказа.

Офицер был заядлым кавалеристом. Собирал молодых пастухов и табунщиков и давал им уроки кавалерийской езды, учил, как надо воевать, если будет война.

Офицер седлал лучшего коня из табуна своего отца, проверял нагрудники, седло, подпругу, стремяна, легко как коршун вскакивал в седло и показывал приемы джигитовки.

У опушки леса он соорудил полевой полигон, водрузив на вбитые колья чучела из киизов¹. За лето почти каждый пастушок усвоил, как обращаться с конем, как рубить шашкой врага.

У офицера была красивая изогнутая сабля в серебряных ножнах. Он давал подержать саблю своим ученикам. Если кто-то не мог сбить чучело, то он возмущался: "Эй, да ты еще тесто, тебе еще надо пуд мамалыги съесть у очага мамыши!"

Абу быстро усвоил уроки кавалериста. Он легко скакал, стоя на крупе коня, перетягивался через живот лошади, на скаку подбирал с земли платочки и выходил на финиш за короткое время.

А по вечерам пастухи и табунщики собирались у кого-нибудь на кошу, слушали из уст стариков нартс-

---

¹ Кииз - кошма

кие сказания о чудесных конях, о походах героев, о волшебных принцах, о страшных драконах и эмегах, пожиравших людей.

Офицер особенно занимательно рассказывал о своих военных приключениях на фронте в империалистическую войну. И если кто-то сомневался и перебивал его, то он восклицал:

- Не веришь! Показать тебе?! - и доставал из кармана завернутый в платочек Георгиевский крест - награду за храбрость. Потом он предупреждал:

- О моей царской награде никому не рассказывать. Только знайте сами. Если расскажете об этом, меня красные могут загнать на эшафот, мол, он служил в белой армии. А если узнаю, что кто-то из вас свой язык распустил, так вот этой саблей ему башку долой снесу!

Пастухи слушали его с интересом, восхищались его храбростью, с которой он воевал с немцами.

Вот он-то в основном и научил Абу искусству владения шашкой и обращения с конем. Тогда ему шел семнадцатый год...

- Расскажи, атам, про Каракуша¹ - попросил Айтек.

Отец продолжил:

- Да, Каракуш был славный жеребец, не конь, а ветер. Дело было так. Ваш брат совершил смелый поступок. В местности Джар внезапно начавшийся ливень с градом погнал косяк табуна в сторону обрыва. Абу на коне помчался наперерез и стоя у самого края пропасти над скалой, орудуя шестом табунщика, как копьем, сумел отогнать от пропасти и спасти косяк лошадей. За это заведующий конефермой подарил ему жеребенка. Абу его вырастил, назвав Каракушем. Жеребенок стал резвым скакуном. Каракуш и колхозный конь по кличке Къанат выступали на скачках района и не раз занимали призовые места.

Умение ухаживать и обращаться с лошадьми пригодилось в армии, когда Абу служил в кавалерийской

---

¹ Каракуш (карач.) - черный орел, кличка коня

части. Ухаживать за конем для него было делом привычным...

Домой вернулись Дина и Хаджат. Они принесли несколько булок пшеничного хлеба, мясо, сахар, свежие овощи: помидоры и лук - в совхозе в честь Дня Победы дали праздничные пайки. И впервые за последние годы в семье состоялся праздничный ужин.

*****

Спустя месяц семья Хапаевых получила новое письмо из Черниговщины.

“10 июня 1945 г.

Милая Диночка, здравствуй! Прими самый искренний привет от нас с Толей и массу отличных пожеланий в твоей молодой жизни.

Большой привет папе, маме и всем сестрам и братьям. Особый привет от Толика Айтеку.

Родная, я не нахожу слов для выражения той радости, которая овладела мной в тот момент, когда я получила ваше письмо. Сколько теплых и ласковых слов в нем!

В пять часов утра, выгнав корову на пастбище, я долго думала у могилы Бориса, перебирая в памяти недалекое, но уже безвозвратное прошлое. И вдруг письмоносец кричит: “Паша, Вам письмо!” С радостью в душе подскочила к нему. И что же я вижу? Дорогой и долгожданный почерк. Хотела идти домой, но не смогла. Какая-то неведомая сила влечет меня к могиле. Подошла и, не решаясь открыть конверт, стою, облокотясь на изгородь. Думаю: “Хоть письмо прочту над могилой, и то, кажется, легче мне будет”. Прочла, но увы! Не единый звук не прозвучал, и только голубые колокольчики нежно покачивались из стороны в сторону, словно и они понимали мои чувства и помогали мне переживать.

Дорогая моя Диночка, ты просишь сфотографировать могилу Бориса. Я сама об этом думаю давно и мне так хотелось сфотографировать ее к 1 маю и послать вам, чтобы вы увидели, как я ее убрала, но остановка за тем, что у нас даже в районе нет фотографа, а город Ромны от нас в 35 км. Я постараюсь поехать в город и договорюсь с фотографом, я не посчитаюсь ни с чем, год

буду работать, а ему уплачу и просьбу вашу исполню.

Дальше ты спрашиваешь за справку. Ездил лично я в военкомат, мне сказали, что извещение вышлют только тогда, когда запросит тот военкомат, какой его мобилизовал, туда и вышлют, а они вручат родителям извещение. Так что, Дина, ты напиши в тот военкомат и укажи, что есть сведения, что Борис погиб как командир партизанского отряда в Черниговской области, Сребрянском районе, совхозе "Красный Профинтерн". Запрос направят в Сребрянский райвоенкомат, они вызовут свидетелей, и на основании подтверждений, вышлют извещение.

Динуся, ты описала мне, какая у вас трудная работа, но у вас хоть есть фрукты. А я живу материально очень плохо. Работаю, воспитываю ребенка, а помочь мне некому. Одежда и обувь очень дорогие. Например, шерстяная юбка 1200 руб., туфли 3500 руб., а о платках, шерстяных джемперах и разговора нет: я их не то что носить, а даже и видеть не имела счастья. Но вы особенно не беспокойтесь, как-нибудь проживу, ничего не поделаешь.

Милая Диночка, ты пишешь, что, когда война кончится, ты приедешь посмотреть на могилу брата и погостить у меня. Дорогая, ведь она уже кончилась, теперь я буду ждать тебя с нетерпением. Я бы тебе все наболеее рассказала бы. Ой, как хочу видеть вас! Приезжайте, посмотрите Украину. У нас тепло, но не жарко.

Жду от вас фото. Целуем всех. Паша и Толя".

Получив это письмо, мать Байдымат Ибраевна, не вытерпела, пошла к соседям узбекам, купила кишмиш, урюк, орехи и сушеные дыни, сама аккуратно сложила в фанерный ящик и собственноручно отнесла посылку на почту. В один из мешочков вложила от своего имени записку: "Посылаем вашу долю: сыну, Паше и мальчику. Мама".

В конце июня 1945-го пришло письмо из Сибири от двоюродного брата Паши - Леонида. Распечатав его, Дина прочитала:

"27.06.1945 г.

Привет из г. Омска!

Здравствуйте, дорогая Дина! Сообщаю о том, что получил Ваше письмо и даю ответ, какие у меня сведения о Борисе Хапаеве.

Я его знал хорошо, он был с нами вместе почти два года в германском тылу. Какие у него черты? Невысокого роста, широкоплечий, мускулистый. У него на руке большой шрам от пореза косой - он рассказывал, что порезался дома, когда точил косу. Еще у него были осколочные ранения на ногах, полученные на фронте, он был немцами подобран раненым. По характеру очень тихий, правдивый.

Действовали мы с ним вместе, помогали партизанам: собирали сведения о немцах в округе, добывали оружие, снабжали продуктами партизан. Хотели с боями выйти к Красной Армии, но немцы нас поймали двенадцать человек и увезли в тюрьму. В тюрьме нам видаться не приходилось - сидели мы отдельно друг от друга. Меня с неделю подержали и увезли на машине на расстрел. Это было вечером и, благодаря темноте, мне удалось убежать, но все же я был ранен в ногу. Фронт еще был далеко. Про Борю ничего не знал. Я вылечился и ушел в партизаны.

Как только пришла Красная Армия, я узнал через письмо, да и отец мой приезжал ко мне в армию и рассказал, о судьбе Бори. Его повесили немцы. А потом жители тайком похоронили на кладбище. Как только вошла Красная Армия, его могилу отрыли, перезахоронили с высшими почестями, на могиле поставили временный памятник.

Вот, что мне известно о Боре. Это был самый лучший мой друг, и я чем смогу, тем и помогу вам. Я обязательно напишу в район, чтобы дали извещение, в районе про него знают.

Вот и все, печально - но правдиво.

Леонид Кириндась, 1926 года рождения.

Крепко целую вашу семью и желаю успехов в жизни”.

Закончив читать письмо, Дина расплакалась, убедившись, что приметы брата совпадают с изложенными. Она решила пока скрыть это письмо от родителей, но ознакомить с его содержанием сестер.

Когда она пришла домой на обед, почти вся семья была дома. Как обычно, на железном треножнике чернел чугунный котел, в котором варилась пища. Языки пламени поднимались вверх вокруг котла, чадило от быстро сгорающих стеблей хлопчатника, все вокруг казалось окутанным туманом.

Вместо хлебных пайков по карточкам раз в неделю выдавали зерно, пшеницу и ячмень. Каждый день мать крутила ручную мельницу, на которой, конечно, невозможно было тонко размолоть зерно. Почти половина уходила на крупу, из нее варили кашу, а отсев муки шел на лепешки или мамалыгу.

Матери дома не было: она пошла к родственникам на соболезнование: с опозданием пришла похоронка, и еще одна женщина с тремя детьми стала вдовой.

Отец только что поел, встал из-за обеденного столика и вышел. Сестры что-то стряпали. Дина рассказала содержание письма Леонида, теперь не оставалось сомнений, что речь в нем идет об их брате...

Осенью, когда сбор хлопка был уже в самом разгаре, почтальон принес прямо на поле письмо для семьи Хапаевых из Черниговщины, от еще одного боевого товарища Бориса - Михаила Силкина, на украинском языке:

“Лист пущено 10.08.1945 г.

Добрый день, уважаемая сим'я моего друга Бори! Дозвольте передати вам низький поклон и сообщить про вашего сына Борю.

Ваш сын находився в немцев в плину со мною вместе з 1942 года з июня мисяця, где ми работали з ним в совхозе “Красний Профинтерн”. Первие время работал он воловником, где переносив холод и голод, и был голий и босий. Потом он провинився - ночью та воли пишли в шкочу, за що Боря сполучив по морди, и за що був знятий з воловий и послан на разни роботи, иде приходилось йому на трудних роботах. На хлебоуборки по целому дню скидав з лобогрийки без видиху.

Ну як Бори не було трудно работать, он продолжал свою подпольную роботу среди своих таких товарищей. В 1943 року Борис берет на себе обязанности як

начальник партизанського отряду, иде звязав связь з партизанами.

В июле мисяци 1943 в совхоз ночью прибыв небольшой партизанський отряд, где Борис вел дальнейшую работу. Но утром бил разоблачен, где начальник с того участку узнав, що Борис виходив до партизан, и начальник, зазвав в контору Бориса, начал розпитувати яго. Но Борис не признався, де був сильно збити. Коли вийшов з контори пришов до мене, пидняв рубаху, де були кровяни рубци.

Посли цього був послан на лисни разработки без куска хлеба. В августу мисяци 43 року они били полностью разоблачени, где були передани гестапо - ночью на 4 августу приихало гестапо пид видом партизан, де забрали Бориса и його товарищей. И 26 августа бил повешен як начальник партизанського отряду. Повешен висел два дня, на третий день бил снят и закопани. Бил з вировкой на шее.

А 17 сентября 43 роки прийшла наша Красна Армия, где була уже убрана Борисова могила в цвिति и обнесена оградю в пам'ять 27 годовщини Октябрьской революции. Де прийшлось мне на його могили робить доклад, послати вичну память Бориса за його героизм та славу. Де я отдал йому последний долг - салют з винтивок.

Пока все. Пишу вам коротенько. Коли дасте ответ, тоды опишу вам бильше.

Часто хожу я мимо його могили, иде Борис спити вичним сном и не знае, що враг його розбити и вислань за предели.

З тем до видання. З привитом до вас, Силкин Михаил Павлович.

Звините, что я не писав вам. Я не знав раньше вашего адреса."

После долгой переписки с военкоматами, наконец-то пришло письмо на имя Хапаева Тугана Джаубаевича из райвоенкомата с извещением:

"Ваш сын, гражданин Хапаев Борис Туганович, уроженец Карачаевской области, Микояновский район, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской

присяге, проявил героизм и мужество, был 26-го августа 1943 года за участие в партизанском движении схвачен гестапо и повешен на территории совхоза "Красный Профинтерн" Сребрянского района, Черниговской области, похоронен на территории совхоза.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР №023-1944 г.)

Райвоенкомат. Начальник второй части Ключников".

С тех пор на полевых работах и дома на устах двух сестер, Дины и Хаджат, звучала "Песня-плач о брате", которую сочинила их старшая сестра Канитат. Они ее пели вместе и когда оставались одни, исполняли тихо, для успокоения души, но потом громко плакали, чтобы отпустить на волю сердечную боль незаживающей раны семьи.

Вот слова песни:

Расскажу вам песню печальную,
Сон вещей свой:
Зуб мой сломался, и я
Много плакала во сне.

А когда я проснулась,
Вспомнила милого брата.
Кровь пошла у меня
Трижды из горла.

Когда я сказала об этом маме,
Она упала в обморок.
Почему я не покончила с собой в тот день,
Когда услышала тяжелую весть о брате?

Брат мой погиб не на земле, а в небе,
С взглядом, устремленным к звездам,
Которые светят нам по ночам.
Давайте поглядим на эти звезды.

Ушедшие из нашего дома не возвратились,
Есть ли еще такие семьи, как наша?
О, как же мне отправиться в города
И перекопать все могильные холмы,
Чтобы еще хоть один раз взглянуть на них?

Возвращаются воины у других.
Мать плачет: нет нашим возврата.

Поседела борода отца,
Пожелтело его лицо.

Как далека от нас Украина!
И пути нам туда все перекрыты.
В последний миг не увидели родных
Твои красивые карие глаза.

Мы бы по погибшим так не тосковали,
Если бы сами их хоронили.
Отец и мать поливают слезами
Письма твоих друзей.

Не суждено, брат, тебе вернуться
В аул родимый свой.
И мы лишены голоса,
Нам не велят говорить о своем горе.

Но ты в наших сердцах, брат.
В памяти нашей ты к нам возвращаешься.
Мы слезы сушим на пыльных ветрах,
Геройством твоим восхищаемся.

2 ноября 1945 года Дину срочно вызвали на центральную усадьбу совхоза "Пахта-Арал", где располагалась местная спецкомендатура НКВД, осуществлявшая надзор за ссыльными поселенцами.

Представитель областного управления МВД в чине капитана стал грубо оскорблять и упрекать Дину:

- Почему ты написала письмо на имя Сталина, что вашу семью неправильно выслали, что из вашей семьи погибло на фронте пять человек?! Даже если бы погибла вся ваша семья, вы не имеете права обсуждать Указы Правительства, никто и никогда вас от ссылки не освободит. Ваши права объяснены многократно! За нарушение Постановления СНК о правовом положении спецпоселенцев, подписанного Молотовым, я тебя должен посадить в тюрьму, но на этот раз ограничусь предупреждением. Жалобы о выселении не рассматриваются! И больше не писать!

- Вот читайте, подписывайте подписку и валяйте! - и он подставил лист с текстом подписки, составленной им.

Дина была удивлена тем, как могло попасть пись-

мо, отправленное на имя Сталина в руки органов госбезопасности. Она хотела показать капитану извещение о гибели брата, но не решилась. Подписала лист, вышла из комендатуры и заплакала.

Единственным ее утешением была переписка с друзьями брата. А Паша слала все новые и новые письма: "6 ноября 1945 г.

Дорогие мои Диночка и Хаджат, здравствуйте! Большой привет вам, дорогие мои, привет папе и маме и маленьким братишкам.

Милые мои сестрички, нет слов для выражения той радости и одновременно слез, овладевших мною в тот момент, когда я получила вашу фотокарточку. Дорогая Хаджат, Женечка, ты так крепко похожа на Борю, что я не могу смотреть на фотокарточку. Ты просто живой портрет брата.

Тысячу раз благодарю Дину за исполнение моей просьбы. Мне кажется, что вы мне своей фотокарточкой половину здоровья прибавили. Я очень рада, что хоть от вас слышу ласковые слова. Если и вы откажетесь от меня, то тогда я навеки несчастный человек и помощи ждать мне неоткуда. Единственно, чем я довольна, это то, что я имею возможность в любое время дня и ночи пойти на могилу Бориса, крепко обнять столб, безмолвно стоящий на ней и излить свое горе и невзгоды в слезах. И мне, поверьте, становится легче и я вновь хожу, перебираю в уме прошлое до тех пор, пока уже не могу мимо могилы пройти, чтобы не зайти. Так течет моя молодая, но весьма незавидная жизнь.

Дорогие мои, сейчас, после того, как окончу писать письмо, я уйду убирать могилу к празднику Великой Октябрьской социалистической революции. Возьму вашу карточку и скажу Боре, что я не одна в вечном трауре стою над могилой, а еще пришли твои родные сестры.

Летом было легко убирать могилу - много цветов, а сейчас у нас уже холодно, зелени нет, и мне пришлось венки на могилу к празднику заказать искусственный.

Я все стараюсь сфотографировать могилу, но никак не добьюсь. Была в Киеве, один фотограф обещался

приехать за 2000 руб. за выезд. Если бы у меня была такая вещь, чтобы продать на две тысячи сразу, то я бы не пожалела. А с заработной платы такую сумму не соберешь. Но я съездила в Чернигов - это наш областной город. Там договорилась дешевле - за одну тысячу, и думаю, что скоро фотограф приедет. Жду очень. Так что скоро и перед вашими глазами встанет могила вашего брата и моя фигура в траурном платье.

Дина, я очень рада, что вы добились извещения. Конечно, это не радость, но все-таки это документ о том, что Борис погиб героем, а не бесславно.

Коротко о себе. Живу на старом месте, работаю и воспитываю сыночка. Уже холодно, и я бьюсь, как рыба об лед: одеваю себя и свою крошку. Все бы ничего, но дороговизна на носильные вещи меня убивает. Никак не управлюсь работать на одежду и обувь, да еще этот проклятый холод. Но ничего, как-нибудь проживу. Ведь я бы рада лечь рядом с ним, но без смерти не помрешь. Эх! Зачем я осталась в живых?

Вот так, мои дорогие. Пусть я буду всегда носить это черное платье, но я твердо знаю, что он погиб со славою. Я посылаю вам свою маленькую фотокарточку. Больше нет. Вернее есть, но старые, а эта современная. Фотографировалась в Чернигове на паспорт 29 октября 1945 года, так что вы меня простите, что я в дорожном военном кителе и с усталым видом. Но сфотографироваться с веселым выражением лица я уже никогда, наверное, не смогу.

Диночка, милая моя сестрица, пиши, как твое здоровье, как вся семья себя чувствует. Ты ведь писала, что вся семья болела, а почему не пишешь, как поправились? Пиши, дорогая, я очень беспокоюсь.

Дина, я завидую, что у вас там тепло, видимо, еще цветы есть. Но вот малярия мне не нравится.

На этом кончаю. Сейчас беру лопатку и иду на могилу. Ну, когда же я вместе с вами буду убирать ее, Дина, а?

Милые мои сестрички, последнее слово к вам: прошу, не обижайте меня молчанием. Не ленитесь, пишите чаще, я ведь и так обижена навсегда.

До свидания, целую крепко вас всех. С приветом, П. Кириндась.”

“... Мальчик мой от первого мужа. С Борей мы были в близких отношениях. Любили друг друга. Я жалею, что от него не имею ребенка. Но он к Толе относился как к родному, за что я ему была благодарна.

Дина! Я извиняюсь, что от вас получаю посылки, а сама ничего не могу выслать. На почте мне сказали, что теперь прием посылок вольный, без всяких справок. Но лучше, Дина, посылать ничего не надо. Ты ведь не работаешь, а папа и мама старые. Откуда у них деньги? Если что будет у меня, я рада буду делить с вами, и хлеб, и соль. Я люблю крепкое родство и всегда смогу его поддержать. Дина! Напиши, пожалуйста, чем вам помочь? Извините, что я пишу, что мне тяжело. Я, честное слово, кажется, святым духом проживу, а куплю и пошлю.

Дина! Напиши, чем занимаетесь, кроме хлопка в вашем совхозе, есть ли скот? Может быть, мне переехать к вам на работу?

Ну на этом кончаю. Жду ответа и прошу, не забывайте нас. Будем живы, не забудем и мы вас. Пришли-те фотокарточку папы и мамы.

До свидания, целую тысячу раз папу, маму, Дину, Женю и всех остальных, а Толя особо Айтека. Пишите, ждем!”

“1.01.1946 года. С новым 1946 годом! Дорогие мои, Диночка и Женя!

Сегодня я возвратилась из Киева, ездила в трест с годовым отчетом. По приезду получила письмо Дины и открытку Жени. За ваше внимание, дорогие мои, примите от меня неизмеримую благодарность и уйму отличнейших пожеланий в вашей молодой, цветущей жизни.

Диночка, дорогая сестричка, спасибо, что протянула мне так далеко руку помощи. Ты пишешь, что перевела мне деньги. Тысячи раз спасибо тебе и всем родным от нас с Толей за беспокойство о нас. Одновременно прошу тебя, родная моя, не беспокойся больше, не

обижай свою семью, не делай этого в ущерб своим материальным условиям. У вас большая семья, а мы вдвоем с Толей как-нибудь проживем. Безусловно, тяжело и нам, но ведь, Диночка, ты же не солнце, всех не обогреешь. Твое родство и близость ко мне я и так за тысячи километров чувствую и в долгу у тебя никогда не останусь. Я всегда буду благодарить тебя за твои теплые, как-будто согретые солнцем Востока письма.

Эх, Динуся, ты себе не представляешь, сколько радости и счастья я получаю в конверте с твоим письмом! Как только долго нет письма, я чувствую себя такой чужой и одинокой здесь на Украине, мне становится так обидно, так больно, что я готова разрыть могилу и вместе с сироткой лечь и уснуть навеки. Но увы! Мы остались на верные муки, видно, нам суждено с ним оплакивать долю свою. Как говорят в народе, не было счастья с утра, так не будет и до вечера. Ну что ж? Будь, что будет.

Еще раз прошу, дорогая моя, не делайте больше подарков. Мне достаточно того, что ты пишешь письма, это мне самая большая помощь. Мне дорого то, что ты, далекий, незнакомый мне раньше человек, в такой тяжелый для меня период жизни разделила со мной, как родная сестра, надвинувшееся тучей на меня горе.

За деньги еще раз спасибо. Я их еще не получила, они, видимо, придут к Толиным именинам, к 19 января, и я ему от твоего имени, Дина, куплю на день рождения подарок.

Диночка, ты писала, что вы получили извещение, напиши мне, как они там пишут? И платят ли вам пенсию?

Пару слов Жене. Благодарю за открыточку. Пиши, как ты живешь там? Как тебе климат? Что касается твоей любознательности о наших отношениях с Борей, то можно судить по письмам, а подробности вспоминать тяжело. Ясно?

Пишите, жду, Целую всех. Привет от нас с Толей папе, маме, Жене, Алимуну и другим, и лично от Толика Айтеку.

Сумская область, Талалаевский район, совхоз "Барсуковщина", Кириндась П."

"Здравствуй, моя родная Диночка!

Моя милая, вы ведь не знали мое горе. Толя тяжело болел, два месяца лежал в больнице, чуть-чуть бог не лишил меня последней моей радости. Ну, ты скажи, Дина, и зачем так судьба надо мной насмеялась? Отняла у меня друга жизни, осталась одна надежда - сын, и вот он болеет. Я живу ради него, без него жизнь - копейка. Что я хорошего вспомню из своей молодости? Ничего. Одни слезы да переживания. И так обидно станет, до слез. Я приехала с Толей из больницы в надежде, что есть от вас письма, а их нет. Мои родные, пишите, ведь меня никто здесь не поймет так, как вы. Для меня ваши письма являются воздухом.

Борину фото я отдала в Москву, сделают портрет на вечную память. А 5-го мая поеду на могилу - к празднику Победы надо убирать.

Дина, ты засуши казахстанский цветок и пришли в конверте, я отнесу его на могилу. Пусть он там будет напоминать вашему брату, что и вы, сестры, посетили и украсили могилу. Эх! Тяжела ему смерть была, если бы вы знали! И как он хотел в последнюю минуту жизни видеть вас всех. Нет, вспоминать невозможно, но не вспоминать нельзя.

И теперь могила здесь, на Украине, так далеко от вас, родных. Ветер забросал ее прошлогодними пожелтевшими листьями деревьев. И мои заботливые руки два месяца не держались за ее изгородь. 5-го мая отнесу венки и от вас привет.

Пишите, не забывайте. Я очень жду. Целуем всех. Паша и Толя."

"Из Карпенково, Воронежской области.

Родная Динуся, здравствуй!

Примите привет от нас с сыночком и тысячи хороших пожеланий в вашей жизни. Большой привет папе, маме и всем родным.

Дина! Вы уже, наверное, меня с Толей забыли, но я

вас не забываю ни на одну минуточку. Я долго не писала вам, не хотела расстраивать своим несчастьем. Я знаю, что вы за меня тоже будете переживать так, как я за вас.

Обстоятельства жизни заставили меня переехать с Украины в Россию. Толя там ужасно болел. Я так боялась потерять его и вынуждена была уехать. Везла его худого и больного. По дороге случилось еще несчастье: уворованы мои вещи, и я приехала в том, что на мне было и все. Но я ни о чем не жалею. Я рада, что спасла Толю и довезла его живого. И вот сейчас я здесь живу и работаю. Здесь он чувствует себя хорошо. Вот, видите, мои дорогие, сколько мне пришлось перетерпеть. А еще, больше всех несчастий, это то, что я оставила могилу Бориса без присмотра, одинокую, в степях Украины. Жалко до невозможности: придет весна и никто не оживит ее и не украсит живыми цветами. Порастет дикой травой, и дорожка моя зарастет тоже. Эх! Если бы я могла увезти ее с собой, то я бы увезла. Снимок я храню, как память. Из того фото Бори, что вы мне послали, я сделала замечательный портрет, хранить его буду всю жизнь.

Дина, прошу убедительно, не забывайте меня. Я теперь совсем одинокая. Я так хоть горе свое изливала на могиле, а здесь совсем одна.

Пишите, как вы теперь живете, все ли здоровы и живы? Как мама с папой, как вы все живете и работаете? Почему у вас продукты? У нас продукты сравнительно ничего, а вот мануфактура неприступно дорога, 150-200 руб. метр простого материала. А хлеб у нас - рожь 200 руб. пуд, пшеница - 250 руб. пуд, как будто ничего.

До свидания, жду с нетерпением, пишите. Целую все. Ваша Паша."

"Диночка, здравствуй!

Прошу, учти мое положение и прости за то, что я вместе со снимком могилы Бориса не пишу письмо. Ты веришь? Я не могу смотреть на него. Мне так тяжело, что я еле-еле подписала, да и вам тяжело смотреть на него. Немного успокоюсь и напишу.

Снимок сделали местные фотографы, так что - не очень. Но его можно перефотографировать. Я отвезу одну в Киев и посмотрю, если удачно, то сделаю и для вас.

Крепко целую, Паша."

В письмо была вложена фотография, на которой запечатлена могила, с надписью: "На вечную память дорогим сестрам: Дине, Жене, родным папе и маме, двум братикам и всем, имеющим родственную связь с Борей, снимок могилы, где покоится прах героически погибшего партизана.

Дорогие мои, смотрите и помните, что могила Бори зимой и летом в порядке, знайте, что нет того дня, чтобы я не посетила его в траурном черном платье, в том виде, как вы видите на снимке.

1 февраля 1946 г. Паша, с. Карпенково, Воронежской области."

Вечерами, когда семья Тугана собиралась дома, Дина вслух перечитывала письма. На глазах у всех блеснули слезы, в которых была и безысходная тоска по погибшему сыну и брату, и гордость за него.

Так, в бесконечных трудах и заботах, проходили дни, недели и месяцы.

*****

Туган Джаубаевич очень тосковал по родным белоснежным горам отчего края - Карачая. Он нередко стоял часами, глядя на огромные белые остроконечные бурты собранного хлопка Пахта-Арала. Эти белые бурты осенней порой возвышались над степью словно древние египетские пирамиды над пустыней. В них был сложен хлопок, собранный вручную из раскрытых миллионов белых пушистых коробочек хлопчатника, сорванных по одной двумя пальцами руки. Эти громадные белые горы спрессованного хлопка-сырца собирали работающие от темна до темна в согнутом положении, под палящими лучами солнца, сборщики хлопка.

Эти хлопковые горы, обильно политые потом бесправных спецпоселенцев, напоминали Тугану величе-

ственные белоснежные горные вершины далекого Кавказа. Почти каждую ночь он во сне бродил в знакомых с детства горах, просыпался в поту, не понимая в первый момент, где он находится теперь. И хотя он осознавал ценность этого земного богатства, которое называлось "белым золотом", горы хлопка пробуждали в его сердце нестерпимую ностальгию по Кавказу, символом которого были снежные вершины, которые казались ему дорожке караванов с золотом и серебром.

Наступил 1948 год. Прошло уже пять долгих безрадостных лет, полных трагических событий, со дня насильственного выселения карачаевского народа. И каждый день, каждый месяц все ссыльные ждали исправления роковой ошибки и возвращения народа на свою Родину, на Кавказ. При встрече друг с другом первым вопросом после приветствия было: "Что слышно о возвращении на Кавказ?" Этот вопрос за годы стал настолько привычным, что если при встрече он не прозвучал, это считалось сверх неуважительным по отношению к своему народу и родине предков.

Однако вместо ожидаемого освобождения от ссылки, режим спецкомендатуры усиливался. Прибывали все новые и новые контингенты спецпереселенцев, насильно вырванных из своих жилищ и селений - греки, грузины, поляки, турки-мехетинцы, азербайджанцы... Безвинные люди массами гибли от болезней и истощения, от разрыва сердец в связи с несправедливым моральным унижением - нахождением в списках неблагонадежного "спецконтингента".

В начале года Паша прислала еще одно письмо:

"4 января 1948 года.

Здравствуйте мои дорогие папа, мама, Дина, Женя, Алим, Айтек и все остальные родные!

Шлем вам с Толей искренний привет и тысячи хороших пожеланий в вашей жизни в 1948 году. Желает папе с мамой хорошего здоровья и долгих лет жизни, Дине с дочкой счастливой, радостной семейной жизни, Жене плодотворной работы, счастья и здоровья. А Айтеку и Алиму быть крепкими, здоровыми и умными, такими, каким был их брат Борис, воспиты-

вать в себе ненависть к врагам и мстить им всю жизнь за то, что они отняли жизнь у нашего, дорогого для нас всех Вориса и вместе с ним отняли у нас всех много радостей и надежд на будущее. Растите и будьте такими смелыми и отважными, каким был Борис.

Нет той минуты, чтобы я о нем забыла. Да и как забыть, когда растет сын - сиротка? Он уже часто спрашивает, где папа? А как я ему скажу? Как объясню ребенку, где отец? Эх! Вечные слезы и вечное горе принесли мне эти проклятые людоеды-фашисты. Отняли счастье у меня и сыночка.

Дина! Почему ты мне ничего не сообщала о своем семейном положении? Когда родилась дочь? Как звать ее? И есть ли отец? Это самое главное для нее Динуся! Пусть растет доченька на счастье тебе и всем нам. Как бы я хотела всех вас видеть и расцеловать как родных, как близких, как самых дорогих для меня в моей жизни!

Дорогие, тысячи раз остаюсь благодарна вам за вашу искреннюю заботу и беспокойство о нас с Толей. Я не могу выразить в письме словами свою благодарность вам за письма и ваши советы. Только вы облегчаете наше горе, только вы понимаете наше несчастье, ибо оно вам такое, как нам.

Динуся! Передай всем родным, и особенно папе с мамой, мою душевную благодарность за то, что вы от нас не отказываетесь и считаете за своих. За это я вам всю жизнь буду благодарна.

Дина! Вы нас с Толей зовете к себе. Очень рады и довольны вашими заботами и имеем большое желание видеть вас и поговорить обо всем.

Но, видите ли, это не так просто сделать. Дело в том, что я собой не распоряжаюсь, куда переводит трест совхоза, туда я еду и работаю. И уволиться мне можно с работы только, если будет вызов от вас, а иначе меня не отпустят. Мне сейчас тяжело. Если бы уже на одном месте работала, то обзавелась бы всем, а то, там пропало, там переплатить надо. Вот сейчас дают мне в одном колхозе телочку. Стоит она по государственной цене 600 руб., а у меня не за что ее выкупить, Зарпла-

той я еле обеспечиваю ребенка и себя, а за покупки не думаю. Хотя бы у меня не пропали вещи, то я бы купила телочку и ждала бы свое молоко. А то и одеть, и обувь надо сынишку. У нас зима - морозы до 40 градусов. А поехать к вам я как-нибудь выпрошусь в отпуск и поеду с Толей, посмотрю. Я боюсь одного, что нам, россиянам, там климат не подойдет. Не дай бог потерять Толю, то я тогда и сама жить не буду. Динуся, ты напиши, живут у вас там русские или нет, и как там для них климат. Не болеют ли? И какая у вас погода сейчас? В отпуск, как выпрошусь, то съезжу обязательно. Если не устроюсь, то хоть повидаюсь с вами и расскажу вам все-все. Дина, напиши, есть ли у вас там животноводство, а то ведь я специалист животноводства, где есть животные, там и мне работа будет.

Целуем крепко всех. Ваши Паша и Толя.
Воронежская область.”

Мать вместе с дочерью собрала посылку с продуктами, подарками - связанными своими руками шерстяными изделиями. Айтек положил в ящик мячи и несколько игрушек, которые смастерил из дерева отец. В сопроводительном письме Дина подробно ответила на все вопросы, рассказав, в том числе, и о своей горькой судьбе вдовы, воспитывающей дочь, у которой война отняла не только брата, но и мужа.

Ответное письмо Паши было наполнено благодарностью, которая согрела отзывчивые сердца людей, испытавших на себе все тяготы и войны и необоснованных репрессий, но не очерстневших и живших надеждой:

“ 10 февраля 1948 года.

Здравствуйте, мои дорогие родные: папа, мама, сестры и маленький Айтек. Шлем вам с Толиком от всей души горячий привет, желаем счастливой жизни и хорошего здоровья на веку.

Мои родные, вы себе не представляете, сколько у нас с Толиком было радости при получении вашей посылки. Холодный февральский день нам казался теплым среднеазиатским, как-будто вы в посылке с по-

дарками прислали нам родственное тепло. Мы почувствовали настоящую родственную заботу и нам, обездоленным людям, когда у нас отнята наша радость, жизнь и надежда, эта посылка несравненно ценна.

Спасибо, дорогие мои, тысяча раз благодарим и целуем руки, готовившие эти подарки. Как это все для меня дорого! Я раскрыла посылку и с ног до головы одела ребенка, и думаю: “Боже, есть на свете такие люди, которые, находясь за тысячи километров, заботятся о моем ребенке! Они знают, что он сиротка и что для него это будет очень дорого”. Вы знаете, наши соседи просто удивились и говорят: “Все-таки, ты, Паша, счастливая, что тебе помогают хоть родные.” Ну а чем я вас буду благодарить? Собрала рублей 500, можно было послать, но я выкупила телочку. Так что теперь мы с Толиком со своей коровой будем. Телочку мне в одном колхозе выделили, я вам, кажется, писала.

Еще и еще раз спасибо вам. Дай вам бог здоровья, а папе с мамой долговечной жизни. Напишите, кто сшил фуфаечку? Кто вязал чулочки, носочки и платок? Со следующей полочки пошлю вам что-нибудь. А сейчас благодарю, мои родные, всех вас тысячу раз.

Айтеку от Толика самый большой привет и благодарность за мячики и другие игрушки. Он и по снегу и в мороз с мячом бегаёт.

Целуем всех, до свидания. С вами, живы будем, увидимся, а с Борисом уже никогда. Эх! Знали бы вы, сколько я слез проливаю о нем и сколько думаю о своей судьбе.

Паша и Толя.”

*****

Еще не стерся из памяти черный ноябрь 1943, как наступил черный ноябрь 1948 года. Спецкомендатура МВД, в дополнение к Постановлению Совнаркома СССР от 8 января 1945 года “О правовом положении спецпереселенцев” вооружилась еще одним секретным документом Советского правительства.

Это был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года “Об уголовной ответственности

за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны”.

В нем, кроме прочего, говорилось: “В целях укрепления режима поселения для выселенных чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других, а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев, виновных привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.”

Далее указывалось о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения.

Дела о побегах выселенцев рассматривались Особым Совещанием МВД СССР. Постановление Совета Министров СССР № 4368-172 от 1948 года подтвердило положение, что переселение чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других произведено навечно, без права возвращения их к прежним местам жительства.

Коменданты спецкомендатур наделялись широкими полномочиями. Кроме учета, надзора, выявления среди выселенцев антисоветских и уголовно-преступных элементов, пресечения беспорядков, контроля над хозяйственной деятельностью, розыска бежавших из мест поселений, выдачи разрешений на право временного выезда за пределы района расселения - как это было ранее, комендант имел данное ему законом право налагать штраф, арестовывать без суда и следствия сроком на пять суток, создавать среди спецпоселенцев агентурно-осведомительную сеть как из числа выселенцев, так и из местного населения.

Устанавливался строгий порядок обязательной ежемесячной личной явки поселенцев в спецкомендатуру

МВД для регистрации и отметки, а специально ответственные за “десятидворками” из числа поселенцев должны были проверять жителей закрепленных за ними дворов каждые 10 дней и немедленно докладывать коменданту о нарушениях или отсутствии какого-либо спецпоселенца.

Кампания по выполнению выше названного Указа Верховного Совета органами МВД и спецкомендантами началась с неукоснительной силой. Все спецпоселенцы старше 16 лет должны были подписаться в том, что они ознакомлены с положениями этого документа.

Когда Туган Джаубаевич явился с семьей в спецкомендатуру, чтобы очередной раз отметитья, комендант сказал, что он и его семья должны дать подписку о том, что знакомы с указом, и протянул бланк. Там типографским способом был напечатан образец подписки и от руки вписаны фамилия, имя и отчество:

“ ПОДПИСКА

Я, Хапаев Туган Джаубаевич, выселенец, состоящий на учете в спецкомендатуре при совхозе “Пахта-Арал” Ильичевского района Южно-Казахстанской области Казахской ССР, дал настоящую расписку в том, что я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к 20 годам каторжных работ.

Мне объявлено _____ (Подпись)

Подписку отобрал _____ (Должность, фамилия)
1948 г.”

Старый Туган прочитав текст, попытался объяснить коменданту, что он не чувствует за собой и за членами семьи никакой такой вины, чтобы быть на вечной ссылке. Он отдал пять воинов на защиту Отечества.

- Вот последнее извещение о казни моего сына фашистами, - Туган протянул извещение о гибели сына Бориса на Украине.

Комендант повертел извещение военкомата, проверяя печать и другие детали документа, затем сказал:

- Ну и получайте пенсию, как семья погибшего воина, но будете жить здесь вечно.

- Скажите, за что мне такое наказание? - настаивал Туган.

- Вы карачаевец. Вот и все. Указ распространяется на всех карачаевцев, несмотря ни на какие заслуги. Если кто-то откажется подписать расписку, будет отправлен в тюрьму в Чимкент, а затем на каторгу в Сибирь.

- Пусть Аллах вам будет судьей - сказал Туган Хапаев, подписал бумагу и, убитый очередным горем, вышел из помещения комендатуры.

Все семейство вынуждено было подписать расписки об их вечной ссылке. Возмущенные продолжением произвола, со слезами на глазах и с болью в сердцах, возвратились они домой.

Вскоре после возвращения в свою убогую землянку, матери внезапно стало плохо, она побледнела и упала в обморок на чий - камышовую циновку. Испуганные дети подняли ее, умыли лицо холодной водой и уложили на деревянный топчан. Мать пришла в себя, но больше с постели так и не вставала.

Проболев около двух лет, она умерла 20 марта 1950 года. Последними её словами были: "Неужели я умру на чужбине? Где ты, сын мой Абу? Вернись, выручай нас! Я хочу домой, на родину, в родные горы!"

Во время похорон Байдымат Ибраевны кто-то из аксакалов сказал:

- Таких женщин больше не будет.

На поселковом кладбище, рядом с хлопковым полем, семья установила на могиле матери памятник, отлитый из песка и цемента. Кто-то из детей её или мастер сделал на памятнике надпись: "Мать-Героиня."

*****

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В феврале 1956 года Тугану Джаубаевичу, так и не привыкшему к жизни в Казахстане, приснился сон. Проснувшись от радости, он, несмотря на раннее утро, разбудил домашних и сказал:

- Мне приснился прекрасный сон! Дети мои, вот увидите: мы скоро вернемся в родные места, мы возвратимся на Кавказ!

- Ура! - вскричали дети. - Хайыр болсун! Да будет на пользу, пусть сбудется этот сон!

Отец стал рассказывать:

- Я видел, как огромное колесо раздавило многоголового дракона. Затем оно несло по реке поверх чистых волн против течения - к истокам Кубани! Значит колесо нашей судьбы повезет нас на родину, - заключил он.

- Ура! Какое счастье - мы вернемся домой в родные места, в родной Карачай, в край белоснежных гор и величественных долин! - кричали младшие дети.

- Помоги Аллах - пусть будет так! Аминь! - говорили старшие дочери.

Ночевавший у них в ту ночь один гость - родственник сказал:

- Туган - аксакал, разве вам не надоели эти колеса? Вы их делаете днем, вот они Вам и снятся ночью. Ничего необыкновенного в этом сне нет. Это не иначе, как продолжение во сне ваших дневных занятий кузнечным делом.

- Конечно, колесо - дело кузнечное, но почему мне снился дракон, почему колесо несло по поверхности волн вверх по течению реки, и воды в ней были чистые и прозрачные? Река текла обратно по своему руслу! Поэтому я с Вашим толкованием моего сна не могу согласиться. Поживем - увидим. А если вот сон сбудется, что тогда скажете, дорогой гость?

- Если этот сон сбудется, как Вы его толкуете, я буду всем говорить, что наш Туган не простой эфенди, а святой шейх!

На том и разошлись.

Сон Тугана оказался воистину вещим. В январе 1957 года все читали Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении автономии карачаевского народа и возвращении карачаевцев на родину.

Весной 1957 года эшелон за эшелонам из Средней Азии и Казахстана карачаевцы возвращались на землю предков. На вагонах белели надписи мелом: "Домой! На Кавказ!" Люди ехали с песнями на устах и со слезами на глазах. Почти все семьи оставляли в сте-

пях и песках Средней Азии прах своих самых близких.

Их могилы, эти земляные холмики, остались немymi свидетелями пережитой целым народом трагедии.

Эшелоны с возвращающимися разгружались на тех же станциях - в Баталпашинске, Усть-Джегуте, Кисловодске, откуда 14 лет назад людей, отобрав у них все нажитое, насильно отправляли в восточные районы страны. Трудолюбивые карачаевцы возвращались с новым имуществом, честно нажитым в далеких краях, и с новым поколением детей, родившихся на чужбине, мечтавших впервые в жизни увидеть Кавказ.

Когда автомашина с семьей Тугана Джаубаевича весенним майским днем достигла берегов родной Кубани, он попросил шофера остановить машину. Водитель принял вправо и поставил машину на зеленую лужайку. Дети, легкие как кузнечики, и взрослые прыгивали на зеленый ковер травы. Опираясь на свой посох, поседевший тамада, глава большой семьи Туган Хапаев неотрывным взглядом смотрел на белеющие в южной стороне над долинами белые снежные горы, глубоко вдыхал пьянящий свежий горный воздух. Стоял ясный полдень и лучи яркого весеннего солнца Карачая подчеркивали красоту окружающих живописных пейзажей.

Старик подошел к берегу горной реки, не останавливаясь вошел в воду. Дойдя до середины течения, он сложил ладони в лодочку и, набирая прозрачную воду из Кубани, долго пил и пил её. Так была велика жажда ностальгии. Те, кто наблюдали за ним, догадались, что он пьет и за тех своих близких, которые не дожили до этого счастливого дня, не дошли до этого родного берега: за сына, за жену, за зятей, за внучку, еще за кого-то. Кто-то из детей подсчитал, что отец нагибался к воде 8 раз.

Автомашина направилась в Маринскую долину и через час они доехали до родного аула Мара.

Туган посмотрел в ту сторону, где раньше стоял старый тополь - Дерево рабства. Тополь упал и его длинный ствол кругом зарос крапивой и виднелся только местами.

Теперь Туган стоял у своего родного дома, который они строили вместе с отцом и братом Ахьей собственными руками. Здесь жили новые люди, которые закрыли ворота и не пустили в дом бывшего хозяина. Старый Туган велел разгрузить свои пожитки у каменной ограды, а затем перенести их под деревья сада, когда-то выращенного им. Новые хозяева выглядывали из окон настороженно, но не отгоняли вернувшихся.

- Вот теперь, мои дети, можете написать о нашем "путешествии" без утайки всем друзьям вашего брата на Украину...

Поредели дома в ауле. Разрушены стены, выбиты и растасканы окна и двери, крыши. Дворы заросли густым бурьяном, сорной травой. Из большого аула, где некогда проживало более 300 семей, остались целыми не более десятка домов.

Разрушена школа. Построенная перед войной, двухэтажная под железной крышей, она радовала тогда глаза аульчан. Теперь же остались только каменные стены.

Надо было все восстанавливать, обустриваться заново. Многие возвращенцы, как и семья Тугана, в первую ночь в родном ауле расположились на ночлег прямо под открытым небом.

Семья Тугана выкупила за все имевшиеся у них деньги свой старый дом у новых жильцов, которые уехали в степные районы. Дом заново отремонтировали, возвели несколько новых хозяйственных построек. Жизнь в ауле постепенно налаживалась.

В годы ссылки аул назывался селом Высокогорным и относился к Джегутинскому району Ставропольского края. Но теперь аулу вернули его старое название - Мара.

Вместо эпилога

Как и другие карачаевцы, Хапаевы заново обрели свою родину. Но для Тугана Джаубаевича так и остался неразвязанным двойной узел насилия, до конца его жизни не заживала кровоточащая рана в его сердце.

Людская память бережно сохраняет добрые поступ-

ки и благородные дела. Геройская смерть погибших за Родину воспитывает в поколениях чувство гордости, любви к Родине, готовность ради нее жертвовать самым дорогим, что есть у человека - собственной жизнью. Подвиг продолжается...

В январе 1961 года Прасковья Кириндась прислала письмо:

“Дорогая Хаджат, здравствуйте! Пишет тебе Паша. Теперь я живу в Крыму.

Разрешите поздравить вас с наступившим Новым 1961 годом и пожелать всем вам счастья, здоровья, успехов в труде и личной жизни.

Милая моя Хаджат! Я получила твое письмо, ты извини, отвечаю с опозданием, так как вместе с ним я получила телеграмму из Липецкой области о том, что моя мама лежит в Данковской горбольнице в тяжелом состоянии. И вот я здесь, у постели матери, за полторы тысячи километров от Крыма. Захватив твое письмо, отвечаю здесь.

Дорогая Хаджат! Спасибо за сообщение об изменениях в вашей жизни. Я так рада, что справедливость все-таки восторжествовала, и жизнь у вас потихоньку налаживается.

В свою очередь сообщаю о себе. Живем в поселке Судак Крымской области у самого Черного моря. Я работаю в райветлечебнице фельдшером, муж в МТС механиком. Толя учится в 10 классе, у него есть младший брат - Шурик. Толя выехал в Москву на экскурсию со всем классом и в течение каникул будет там, а я с Шуриком здесь, у постели матери. Что будет с мамой, не знаю. Вы тоже перенесли тяжелую утрату вашей мамы, я очень сожалею о ней. Так и не довелось мне увидеть ее живой.

Хаджат, ты просишь описать маршрут к могиле Бориса. Я была там со всей семьей летом в прошлом году. Все мы посетили могилу, почтили его память молчанием. Оставили цветы и уехали. Теперь могила там одинокая, то селение, где он похоронен, перенесено в центр совхоза, а вокруг шумит бескрайнее поле пшеницы.

Ехать туда так: брать билет от вашей железнодорожной станции до города Ромны Сумской области, а из Ромны 30 км автобусом до совхоза "Красный Профинтерн". Там зайдете к моему дяде Кириндась Иосифу Алексеевичу. Он вам о Борисе расскажет более подробно, так как вместе с Борей был арестован его сын - 17-летний тогда Леонид. Там еще осталась женщина Мария Грабовая, она свидетель казни Бориса, живет недалеко от могилы Бориса.

Хаджат, если статья о Борисе напечатана в газете на русском языке, пришлите мне, а если не на русском, пусть Ньюра переведет.

Посылаю фотоснимок нашего дома и нашей семьи. Целую всех. Паша Кириндась."

В 1963 году Туган, провожая в армию младшего сына Айтека, просил его: "Если удастся попасть на Украину, проведай могилу старшего брата." Видимо, просьба старого Тугана - эфенди дошла до Аллаха и Айтек попал в воинскую часть на Черниговщину. Сын исполнил просьбу отца, посетил могилу брата. Он привез горсть земли с могилы старшего брата в аул в мешочке.

Умирая, Туган завещал этот мешочек с горстью украинской земли похоронить вместе с ним. Кроме того, он распорядился, чтобы сыновья сделали два надгробия из одного гранитного камня, который он сам выбрал недалеко от родного аула: одно надгробие для него, а другое - для сына Бориса.

Завещание отца исполнили сыновья Тугана Джаубаевича: врач Алим и учитель истории Айтек Хапаевы. Памятники из горного гранита были установлены на могиле отца в родном крае и на могиле их брата - партизанского вожака Бориса - на Черниговщине.

Центральная улица родного аула Мара носит имя Хапаева Абдуллы Тугановича. На аллее героев в городе Карачаевске на мраморной плите золотыми буквами высечено имя отважного сына Карачая - героя Украины.

Много раз ездили на Черниговщину братья и сестры Бориса Хапаева. Рассказ об их теплых встречах на украинской земле, где покоится прах горца из Кара-

чая, и трогательных дружеских связях с местными жителями, о созданном местными школьниками и учителями уголка партизана Бориса Хапаева в музее, находящемся в центральной усадьбе совхоза "Красный Профинтерн", рассказы о встречах с членами подпольной группы - партизанскими товарищами Бориса могут составить отдельный рассказ.

Во время одной из поездок на Черниговщину Алим Хапаев с младшим братом Айтеком посетили могилу брата, почтили его память, устроили поминальный горский обряд. Они встретились с жителями поселка, Ольгой Лакизой, Михаилом Силкиным и другими, живыми свидетелями того рокового дня казни их брата, и записали их воспоминания.

Так глазами очевидца описывает последний день жизни Бориса Хапаева Ольга Лакиза:

- Мне тогда было лет 17. В тот день офицер, 4 немецких солдата и местные полицейские под дулами автоматов согнали всех жителей поселка с криками "Посмотрите на вашего партизана!"

Когда мы пришли к месту казни, то увидели: на высоком тополе висела веревка с петлей. Подставили скамейку.

Заметив приготовления палачей к свершению злодеяния, я испугалась, спряталась за деревьями в кустах, и оттуда наблюдала сквозь слезы за происходящим.

Подвели Бориса со связанными за спиной руками. Он шел гордо и спокойно, взирая на светлую округу, как орел перед взлетом. Лицо и руки его были в кровоподтеках. На картонке, висевшей на груди храброго молодца, была надпись: "Так будет со всеми, кто связан с партизанами!" На картонную бумагу капля за каплей падала кровь, смывая буквы.

Бориса подняли на подставку. Когда выбили из-под его ног скамейку, ветка тополя как будто не желая быть орудием насилия, сломалась с треском и Борис упал на землю. Изверги засуетились, осматривали дерево и приготовились закинуть веревку на другую ветку.

Взбудораженные жители закричали: "Два раза не

вешают! Отпустите его, отпустите!” Руки палачей тряслись, но офицер что-то буркнул им на своем языке, и они опять заспешили. Сделали на шее еще двойной узел, перебросили конец веревки через толстую ветку тополя и стали поднимать снова.

Так сломалась не только ветвь тополя, но и оборвалась молодая жизнь защитника Родины, горячо любившего свой народ. Жители восхищались мужеством и бесстрашием кавказца!

Гестаповцы поставили полицаев охранять виселицу и не разрешали хоронить тело

Михаил Силкин вспоминал:

- Борис и его боевые друзья были переданы гестапо управляющим отделением совхоза, это был некто по фамилии Чайка. Он потом получил за это суровое наказание.

Я присутствовал во время казни и видел мужественное лицо Бориса. Он был в тюрьме замучен пытками фашистов, но тайны подпольщиков - друзей не выдал. Остался непокорным врагу.

Два дня висел он под охраной. Мы ночью сняли тело Бориса. Он был в рубашке. Разрезали узел и выбросили веревку подальше... Хоронили без гроба, поправили холмик его могилы по-кавказски, похоронили отдельно у ограды кладбища поселка у села Лавриково.

Когда заступила Красная Армия, а это было через 3 недели после казни, тело было перезахоронено с воинскими почестями, и его имя было высечено на обелиске, который был установлен у его могилы.

Пусть земля ему будет пухом на Черниговщине, где когда-то сражался Илья Муромец. Борис тоже погиб как богатырь, память о нем всегда будет жить в сердцах людей, знавших его, и в сердцах наших потомков...

ВОСПОМИНАНИЯ
ПУБЛИКАЦИИ
ФОТОДОКУМЕНТЫ

СЛОВО О БРАТЕ

Мой старший брат, Хапаев Абдулла Туганович родился в 1918 г. в ауле Нижняя Мара Карачаевского района. До призыва в ряды Красной Армии работал в колхозе "Красный Октябрь" табунщиком, скотником, был участником колхозного строительства, активным комсомольцем. Он неоднократно поощрялся правлением колхоза за трудовые успехи.

9 февраля 1940 г. он был призван на военную службу в ряды Красной Армии Микоян-Шахарским областным военкоматом (ныне Карачаевский военкомат). Абдулла служил в сухопутных войсках кавалеристом, пулеметчиком на территории Белоруссии на самой западной границе СССР в городах Осиповичи, Белосток (сейчас находится на территории Польши) и другие.

Когда началась Великая Отечественная война, Абдулла в первый же ее день вступил в схватку с немецко-фашистскими захватчиками. В письме с фронта, написанном им в конце августа 1941 года, он сообщал, что война идет с жестоким врагом, что бойцам Красной Армии приходится сдерживать превосходящие силы фашистов, что Красная Армия, неся потери, отступает. Это было его последнее письмо с фронта.

Часть, в которой воевал Абдулла, попала в окружение, из которого наши воины выходили с тяжелыми боями. В одном из таких боев Абдулла был ранен и попал в плен на территории Украины (Сумская и Черниговская области).

Находясь в лагере для военнопленных в Черниговской области, Абдулла участвовал в партизанском движении в Сумском соединении, которым командовал

легендарный С.А.Ковпак, Герой Советского Союза.

Абдулла Хапаев со своими товарищами снабжали партизан ценными разведанными, организовывали диверсии в тылу врага, обеспечивали партизан продовольствием. Во время одной из операций группа, возглавляемая Хапаевым Борисом (партизанское имя Абдуллы), попала в руки гестапо. Товарищи его были расстреляны на месте, а Абдуллу как руководителя партизанской группы отвезли в райцентр. Там в течение месяца, применяя изощренные пытки, гестаповские изверги пытались получить сведения о местонахождении партизан. Но Борис (Абдулла) Хапаев не выдал своих боевых товарищей, не покорился врагу, твердо верил в победу над фашистами.

Не добившись ничего, гестаповцы привезли Абдуллу на территорию совхоза "Красный Профинтерн" (сейчас совхоз имени 23-го партсъезда Талалаевского района Черниговской области). Там, рядом с селом Лавриково, где находился лагерь военнопленных, 26 августа 1943 года была устроена публичная казнь через повешение.

На грудь Абдуллы палачи повесили картонную табличку с надписью: "Так будет со всеми, кто связан с партизанами" и под страхом расстрела запретили снимать тело с виселицы. Спустя двое суток ночью под покровом темноты партизанские товарищи похоронили Хапаева Абдуллу в отдельной могиле у ограды сельского кладбища.

Через две-три недели, в сентябре 1943 года передовые части наступающей Красной Армии, освобождавшие от оккупантов территорию Черниговской области Украины, перезахоронили тело Абдуллы Хапаева со всеми военными почестями. Красноармейцами на могиле был установлен памятник с красной звездой и надписью: "Здесь похоронен красный партизан, геройски погибший от рук фашистских оккупантов, Хапаев Борис Туганович, год рождения 1918 - повешен гестапо 26 августа 1943 г."

После возвращения карачаевского народа на свою историческую родину, на Кавказ, первым из семьи

Хапаевых посетил могилу Абдуллы в далекой Украине самый младший сын Тугана - Айтек, учитель истории средней школы. Это произошло в 1963 году.

В мае 1977 году, исполняя завет покойного отца, я повез в Украину на могилу брата памятник, сделанный в родном ауле Мара. 9 мая, в День Победы собрались местные жители, среди которых были оставшиеся в живых очевидцы казни Абдуллы, его партизанский товарищ Михаил Силкин и его жена, Ольга Лакиза, Мария Грабовая и другие. Они рассказали подробности о жизни брата в плену, о деятельности организованной им партизанской группы, о его подвиге, о последнем часе жизни и смерти на виселице.

Присутствовавшие приняли участие в установлении на могиле привезенного мной памятника. У могилы героя выступили председатель сельского Совета Карпенко В.М., участники Великой Отечественной войны Божко Г.М., Сайга В.М., директор дома культуры Гопко М.Е. и многие другие.

Директор местной школы Тищенко Григорий Аркадьевич рассказал о том, что в школе открыт музей имени отважного партизана Хапаева Бориса Тугановича, что учащиеся ухаживают за могилой. Я передал музею фотографии брата, несколько экземпляров книги В.Филипенко "О чем Теберда шумит" с очерком "Борис из Карачая", а также газеты "Ленинское знамя", "Ленинни Байрагы", "Ставропольская правда", в которых были напечатаны статьи о жизни брата и его борьбе с врагами.

К 40-летию Победы, 9 мая 1985 года я навещал могилу брата со старшими сестрами Абидат, Дильпуруз, Хадиджат и племянником Джигитом Герюговым. Нас тепло встретили директор совхоза им. 23 партсъезда Панасюра Николай Петрович, секретарь парткома совхоза, участник Великой Отечественной войны, потерявший на фронте правую руку Божко Григорий Матвеевич, председатель сельского Совета Карпенко Виктор Михайлович, работники Талалаевского райвоенкомата, директор школы Тищенко Григорий Аркадьевич, директор дома культуры Гопко Михаил Еме-

льянович и другие. Силкин Михаил Павлович - партизанский товарищ Абдуллы Хапаева, узнав о нашем приезде, попросил привезти его из больницы, в которой он находился на лечении.

На траурном митинге, посвященном памяти отважного партизана Хапаева Б.Т., мы вместе с сестрами рассказали присутствовавшим о жизни любимого брата до войны. Затем совершили поминки по нему по нашим кавказским обычаям.

На второй день, 10 мая, торжественное поминание было проведено в центре села Лавриково в доме культуры. Собрались жители не только Лавриково, но и из близлежащих населенных пунктов: из сёл Новоселовка, им. Шевченко, Харково и райцентра поселка Талаевки.

На четвертый день нашего пребывания провожать нас пришли почти все местные жители. Мы простились с могилой любимого брата, тепло попрощались с провожающими и отправились в обратный путь, унося с собой чувство благодарности жителям Украины, с которыми мы породнились. Мы уезжали из Украины успокоенные посещением могилы брата и одновременно печальные, потому что эта поездка очередной раз напомнила нам, что жизнь его в самом расцвете была оборвана проклятой войной, что он умер насильственной смертью в 25 лет.

Оставляя в Украине частицы своих сердец, мы возвращались домой, чтобы успокоить раненные сердца других многочисленных родственников, рассказав им, что могила брата не забыта и сам он жив с сердцах знавших его людей.

В заключение хочу привести адреса последних мест службы дорогого брата Абдуллы Тугановича Хапаева:

1. Белорусская ССР, Белостокская область (ныне территория Польши), местечко Рудзилово, 280 с.э. (24.03.1940 г.)

2. Белорусская ССР, Могилевская область, г. Осиповичи, Н.К.О., войсковая часть №6452 (5.01.1941 г.)

3. Белорусская ССР, Могилевская область, г. Осиповичи, Н.К.О., в.ч. №6452, кавалерийский полк 77,

1-й эскадрон, п/я 16/18. (12.02.1941 г. и 2.05.1941 г.)

4. Белорусская ССР, Могилевская область, г. Осиповичи, п/я 18 (10.06.1941 г.)

О подвиге Абдуллы Хапаева и его мученической смерти на виселице написаны многочисленные статьи в газетах “Ленинское знамя”, “День республики”, “Ленинни байрагъы”, “Карачай”, “Ставропольская правда”, “Комсомолец”, в капитальных трудах - “В суровые годы войны 1941-1945 гг. Воины-ставропольцы”, (Ставрополь, 1978), “Карачаевская Автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.” (Ростов-на-Дону, 1998), “Славные сыны Карачая” (Карачаевск, 1998). Хапаеву А.Т. посвящены две главы трилогии “Аманат”(“Поручение”) народного писателя Карачаево-Черкесии О.А.Хубиева.

Имя Абдуллы Хапаева носит центральная улица его родного аула Нижняя Мара, его имя занесено в мемориальную доску “Знатные люди Карачая” в Парке Славы у дома Советов г. Карачаевска.

Часть документов и фотографии, рассказывающие о жизни, участии в партизанском движении и гибели Хапаева Абдуллы Тугановича, находятся в Карачаево-Черкесском республиканском Комитете ветеранов войн, куда были переданы Карачаевским районным Комитетом ветеранов войн в 1995 г.

**Хапаев Алимджашар Туганович,
врач Карачаевской горбольницы,
Отличник здравоохранения.**

О ПОДВИГЕ БОРИСА (АБДУЛЛЫ) ТУГАНОВИЧА ХАПАЕВА

... На Украине уже в 1941 г. действовало 883 партизанских отряда, большое количество диверсионных групп, насчитывавших в целом 35 тысяч бойцов. Весной и летом 1942 года по инициативе ЦК Компартии Украины были созданы рейдирующие партизанские

соединения С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова, Я.М. Мельника, А.Н. Сабурова и других командиров.

Кадры руководителей и военных инструкторов партизанских формирований пополнялись попавшими в окружение, ранеными и бежавшими из плена военнослужащими. Среди них было много ставропольцев. В Сумском соединении Сидора Артемовича Ковпака с начала организации воевали пятигорчанин Александр Непомнящий и его друг, разведчик и диверсант Борис Хапаев из аула Нижняя Мара...”

... Вот еще один документ: “Ваш сын, красноармеец Хапаев Борис Туганович, уроженец Карачаевской области, Микояновского района, 26 августа 1943 года за участие в партизанском движении был схвачен гестапо и после пыток повешен в совхозе “Красный Профинтерн” Сребрянского района Черниговской области. Похоронен на территории совхоза...”

... Наш земляк Борис Хапаев, защищая Родину, принял от рук фашистских оккупантов мученическую смерть...

В суровые годы войны 1941-1945 гг.
Воины - ставропольцы, трудящиеся
края на защите Родины в период
Великой Отечественной войны
(коллектив авторов) Ставрополь,
1978 - С. 191, 196-200.

*****

... В Сумском соединении С.А.Ковпака мужественно сражался разведчик и диверсант Абдулла Туганович Хапаев из аула Нижняя Мара. Он был призван в армию в 1940 году. Война застала его у самой границы, в Белостоке, где он служил в кавалерийской части. Вскоре часть попала в окружение. В неравном бою Абдулла Хапаев был ранен и с группой товарищей попал в плен. В концлагере он говорил товарищам: “Борьба еще не закончилась. В любой обстановке можно бороться с врагом.” И он боролся. В концлагере ему удалось связаться со штабом близко расположенного партизанского отряда. Хапаев хотел организовать побег группы военнопленных, но получил приказ оставаться

в лагере и выполнять задания партизанского штаба. Партизаны дали Хапаеву подпольную кличку “Борис”...

Удары партизан по врагу стали еще сильнее. Гитлеровцы догадывались, что кто-то помогает мстителям совершать удачные налеты, кто-то зорко следит за каждым их шагом, но напасть на его след не могли.

В 1943 году А.Т.Хапаев и его товарищи получили задание: “Все, что можно из сельхозинвентаря, спрятать или вывести из строя так, чтобы можно было потом быстро отремонтировать”. Приближался час освобождения и все это очень пригодится крестьянам. Было приказано, выполнив это задание, идти навстречу фронту, пробиваться к своим. В один из вечеров Хапаев и его товарищи собрались и обсуждали детали операции. В помещении, где собрались подпольщики, спрятался и подслушал их разговор управляющий Чайка. Он донес фашистам. Подпольщики попали в засаду.

Бориса и других участников операции фашисты пытали более месяца. Они допытывались, хотели выяснить месторасположение партизанского отряда. С Борисом вели особый разговор: “Ты кавказец, зачем тебе скрывать украинских партизан?” - говорили они. “И Кавказ и Украина - советские! Я - советский!” - отвечал Борис.

Зверские пытки не сломили партизан. Они не выдали своих братьев по оружию. Абдулла Хапаев погиб, но не покорился.

На запрос его родителей, командование партизанского соединения писало: “Ваш сын, красноармеец Хапаев Борис Туганович, уроженец Карачаевской области, Микояновского района, 26 августа 1943 года за участие в партизанском движении был схвачен гестаповцами и после пыток повешен в совхозе “Красный Профинтерн” Сребрянского района Черниговской области. Похоронен на территории совхоза.”

О. Лакиза, которая видела казнь патриотов, пишет, что мужественно, как подобает воину, принял смерть сын гор, не дрогнул перед врагами, не согнулся. На его грудь палачи прикрепили бумагу: “Так будет со всеми, кто организывает банды.”

Абдулла Хапаев не дожид до освобождения какие-то 2-3 недели.

КОЙЧУЕВ А.Д.

Карачаевская Автономная Область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Ростов-на-Дону, 1998, стр. 248-249.

БОРИС ИЗ КАРАЧАЯ

В один из летних дней, когда солнце только перевалило за полдень и зной загнал в тень все живое, а деревья замерли в расплавленном мареве - листом не шелохнут! - с рейсового автобуса, что пришел из районного центра поселка Талалаевки в совхоз "Красный Профинтерн", сошел парень лет двадцати-двадцати двух. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, солдатская форма ладно сидела на нем.

Солдат поправил ремень, "пробежал" рукой по пуговицам гимнастерки - все ли застегнуты. Огляделся. Пустынная улица. Никого. Да и сошел он здесь с автобуса один. Спросить не у кого. Медленно двинулся по улице, разглядывая дома. Ага, вот тот дом, который ему нужен. Здесь сельский Совет. Зашел. Вскоре появился опять на пороге, огляделся, что-то прикидывая в уме. Потом еще раз открыл дверь и, не заходя, прямо с порога спросил:

- Значит, идти все прямо и прямо? Ясно, спасибо.

И пошел, не спеша, сельской улицей. Через полчаса он уже стоял у небольшой могилы, обнесенной скромной изгородью из штакетника. Деревянную пирамиду, установленную на могиле, венчала красная звездочка. Солдат снял фуражку, прочитал надпись на пирамиде и тихо сказал:

- Здравствуй, брат! Я привез тебе горсть земли с родного Карачая.

*****

- Ви... Русиш швайн, - немецкий интендант, толстый, брюху в узковатом мундире явно тесно, оно

распирает его и широкой складкой перевешивается через ремень. Тонкие ноги всунуты в офицерские сапоги с лакированными голенищами. Голенища очень широки для худосочных икр интенданта, оттого ноги кажутся еще тоньше. “Будто паук, - подумал Абдулла, - и точно - паук. Брюхо - во! А ноги, как спички.” Интендант поправил на круглом, густо усеянном веснушками лице очки и продолжал. - Ви здесь арбайт... Работай... Клеб... Бе-бе... Овца... Коров... Швайн... Млеко... Для фюрера и велик Германия... Саботаж - капут! - и похлопал рукой по кобуре пистолета. “Ишь, гяур, еще и грозитя, - Абдулла незаметно сплюнул, - наступил бы на одну ногу, а за другую взял - только и пикнул”.

... В сороковом году Абдуллу Хапаева из аула Нижняя Мара, что в Карачаево-Черкессии, призвали в армию. Кавалеристом стал горский парень. Нес службу в одной из воинских частей в Белоруссии, нес исправно, как и подобает воину, командиры не раз объявляли ему благодарности. Когда началась Великая Отечественная война, кавалеристы с первых дней приняли участие в боях. Дрались смело, решительно. Словно стальные молнии, обрушивались на головы фашистов “конармейские наши клинки”.

Был тяжелый бой. На конников “жали” значительно преобладающие силы врага, снаряды и мины когтили землю, утюжили ее танки. Огрызаясь, отходили кавалеристы. Последнее, что помнит Абдулла, - яркое пламя, грохот, стена вздыбившегося грунта. Словно какими-то мощными клещами схватили его, вырвали из седла, и провалился он в темноту.

А потом плен, скитание по лагерям, и вот сегодня привезли в этот совхоз на Черниговской земле. Как сказал тот паук? Работать на фюрера, хлеб им поставлять, за овцами, коровами ухаживать. Ну что ж, проживем - увидим. Хапаева с тех пор, как он после “свидания” с близким разрывом снаряда почувствовал себя лучше, никогда не покидала мысль о побеге. Может быть, до своих частей и не добраться, но ведь рядом есть партизаны. Слышал о них Абдулла, да и сами они

о себе "дают знать". Летят в воздух мосты и эшелоны, пылают склады, недосчитываются гитлеровские гарнизоны солдат и офицеров. Так если до своих не добраться, можно и партизан найти. Правда, раньше никак не выпадал удобный момент, а теперь, когда в совхозе да и за тобой часовой по пятам не ходит, надо пытаться. Слов нет - плен для воина - позор, но бить врага можно и здесь. Где-то его родной Кавказ, землю его дедов и отцов заслоняют своей грудью украинцы, а он в этих местах поможет братьям в их борьбе.

Хапаеву поручили ухаживать за крупным рогатым скотом. С первого же дня своего нахождения в совхозе Абдулла стал осторожно "прощупывать" обстановку. Присматривался к людям, будто ненароком ронял вопрос:

- Наверное, кругом, в этих лесах, партизаны действуют?

Одни в испуге шарахались в сторону после такого вопроса - не дай бог гитлеровцы услышат, головы не сносить! Другие делали вид, что не уразумели, о чем спрашивает этот худощавый скотник с горбатым, тонким носом, с черными, будто ягоды паслена, глазами. Но пока Хапаев к людям присматривался, к нему тоже, оказывается, присматривались, "зондировали". И, по всей видимости, такая проверка была в пользу Хапаева, так как однажды местный житель, работавший конюхом в этом совхозе, шепнул ему:

- Погонишь на водопой волив, не дуже спеши, с тобою там чоловік одын хоче побалакати.

Взволнованно забилося сердце - неужели удача?

На водопое к нему подошел заросший рыжеватой бородой до самых глаз мужчина лет сорока. Абдулла даже не обратил на него внимания. Да и чего обращать? Каждый день перед глазами мельтешит - то навоз вывозит, то воду доставляет на фермы.

- Закурить не найдется? - бросил тот.

- Не балуюсь. А ты бы свой табачок завел, чтобы не христарадничать.

- Ишь какой строгий.

- Какой есть.

Хапаеву хотелось поскорее отделаться от любителя чужого табачка. Ведь нужный человек должен подойти. Увидит, что их двое и поминай, как звали. Эх, принес шайтан этого бородача! Человек подошел вплотную к Абдулле и вполголоса сказал:

- Завтра вас погонят картошку в бурты зарывать. Приметь, какие бурты самые дальние, как к ним сподручнее подобраться, где часовые расхаживают и как часто сменяются, - и добавил с этакой подковыркой. - Хоть и не куришь, а табачок держи про запас, причина будет к тебе подойти, - и даже не взглянув в лицо остолбеневшему от неожиданности Абдулле, медленно пошел к ферме.

... Через два дня среди гитлеровцев - переполох. Несколько, самых дальних, буртов картофеля ночью кто-то разрыл и "вычистил" до единой картофелины. А днем Абдулле опять тот же местный житель шепнул:

- Колы стемние, заглянь на хверму. Часовому скажешь, шо до волив треба.

... В темноте лиц не разобрать. Присутствовало человек пять или шесть, Абдулла из-за темноты даже не разобрал. Все молчали, говорил один, говорил тихо, сипел простуженной глоткой.

- Спасибо, парень. Долго мы к тебе присматривались, все проверяли. Не обижайся, сам понимать должен, не маленький. Время такое. Картошки нам теперь надолго хватит. С Кавказа сам? Откуда? А, из Карачая... Это где? По Кубани и Теберде? Угу, ясно... А звать как тебя? Хапаев Абдулла? Абдулла, Абдулла... Будем мы тебя звать Борисом. Считаю это своей партизанской кличкой. Задания тебе будут передавать.

... Не часто, но передавали. Видно, берегли, боялись, чтобы не пало подозрение. В совхозе вдруг стали исчезать овцы, свиньи, а то и бык забредет куда-то - ищи-свищи. А там с отдаленного тока ворох зерна пропал. Рвали и метали гитлеровцы, повторяя бесконечно: "Партизанен, партизанен", а найти виновного не могли. Подозревали всех. Но подозревать - это еще не значит знать доподлинно. Да и потом - ведь всех подо-

зреваемых не перестреляешь, работать в поле и на фермах кому-то надо.

В редкие, очень редкие встречи в темноте, где-нибудь в отдаленном углу скотного сарая, Хапаев говорил все тот же обладатель сиплого, простуженного голоса:

- Спасибо, Борис. Та группа, в которую тыходишь, неплохо партизан харчами обеспечивает.

Но когда Хапаев сказал, что не к лицу ему, здоровому парню, быть вроде кладовщика, хочется в отряд, да оружие бы, да и на боевое дело.

- А это разве не боевое? - сердито перебил его. - Это, пожалуй, потруднее, чем на передовой. Под носом у фашистов жить и обдуривать их, и не день, не два, а месяцами. Пустое говоришь, Борис. У нас в отряде и дети малые есть, и женщины, и лазарет свой. Добрые харчи - ох! - далеко не последнюю роль играют. Поэтому такие снабженцы, как ты и твои товарищи, - нам крепкая подмога. Считай так - пуд хлеба, что достали, это еще один удар по врагу. Понял?

- Понял.

- Так и действую.

И он действовал. Шел месяц за месяцем. Патриоты делали все, что могли. А зимой сорок первого большие события произошли. Фашистам крепко дали по зубам под Москвой. На следующую зиму - на Волге, потом Курск, Орел... Все ближе и ближе гром родных пушек. Да и партизаны не дают покоя врагу. Темноту ночи раскалывают взрывы, огненные вихри застилают горизонт, косят фашистов пули народных мстителей.

В один из вечеров на несколько минут собрались Хапаев и его товарищи.

- Есть приказ. Все, что можно из сельхозинвентаря, спрятать, или так вывести из строя, чтобы можно было потом быстро отремонтировать. Скоро наши придут, все это очень пригодится. Когда это задание выполним, приказано идти тогда навстречу фронту, пробиваться к своим.

В это время где-то рядом хлопнула дверь.

- Кто это там? - все вздрогнули.

- Не знаю, - сказал после паузы Хапаев, - вечером

тут крутился управляющий Чайка, да вроде давно уже ушел.

Знать бы Хапаеву и его товарищам, что не ушел Чайка, а спрятался и подслушал всю беседу...

*****

В ауле Нижняя Мара Карачаевского района жил старый горец Туган Джаубаевич Хапаев, отец Абдуллы, которого украинцы называли Борисом. Брат Абдуллы, Айтек, учитель местной школы, знакомит меня с письмами, которые до сих пор шлют украинские друзья Бориса в этот небольшой карачаевский аул, показывает документы. В одном из таких документов читаю: "Ваш сын Хапаев Борис Туганович... был 26 августа 1943 года за участие в партизанском движении схвачен гестапо и повешен на территории совхоза и похоронен в совхозе "Красный Профинтерн" Черниговской области". А недавно прислал документ военком Талалаевского района Черниговской области Тихенко. В нем значится: "В 1943 году... Хапаев и группа товарищей хотели пробраться к советским войскам, но узнал об этом управляющий Чайка и предал Хапаева и его товарищей немцам. Хапаев был повешен..." Вот какой дорогой ценой заплатили они за предательство Чайки, который подслушал их беседу в тот вечер...

Летят письма с Украины, из совхоза, который раньше назывался "Красный Профинтерн", а теперь носит имя XXII съезда КПСС, летят в горную Карачаево-Черкесию. Пишут Михаил Силкин, Ольга Лакиза, Паша Кириндась и другие товарищи, которые знали нашего земляка. Нельзя без волнения читать бесхитростные, идущие от самого сердца строки. О.Лакиза, которая видела казнь патриотов, пишет, что мужественно, как и подобает воину, принял смерть сын гор, не дрогнул перед врагом, не согнулся. На грудь палачи прикрепили ему бумагу: "Так будет со всеми, кто организовывает банды". На листок, капля за каплей, падала кровь с лица Бориса...

Письмо М.Силкина. "Борис всего каких-то две-три недели не дождал до освобождения. 17 сентября 1943 года пришла наша Красная Армия. И были сказаны

на могиле Бориса славные слова, и гремел салют из винтовок...”

А вот еще одно письмо О.Лакизы. Она пишет о том, что за могилой воина ухаживают, сажают цветы. “Во время Октябрьских праздников и на 9-е Мая школьники на могилу приносят венки”.

...Брату Абдуллы Айтеку довелось служить в армии на Украине. Он рассказал командованию о том, что в Черниговской области похоронен его брат, погибший в годы Великой Отечественной войны. Командование дало воину краткосрочный отпуск. Он приехал в тот самый совхоз. Пришел к могиле брата и сказал:

- Здравствуй, брат! Я привез тебе горсть земли из родного Карачая!

В.К.ФИЛИПЕНКО.

О чем Теберда шумит... (Документальные повести и рассказы)
Черкесск, 1976 - Стр. 94-104.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Много лет прошло с тех пор. Но время не стерло в памяти людей воспоминаний о тех, кто не склонил головы перед врагом, кто смело вступил в бой с фашистскими захватчиками.

... Вечером 6 ноября 1939 года в ауле Нижняя Мара состоялось торжественное собрание, посвященное 22-й годовщине Октября. В клубе собрались почти все жители аула. По установившейся традиции вначале был доклад. Потом гость из областного центра сообщил, что Карачаевский обком ВЛКСМ решил наградить Почетными грамотами наиболее отличившихся в труде членов комсомольско-молодежной бригады местного колхоза.

Первым получил награду Борис Хапаев. Невысокий ростом, но коренастый, парень давно уже пользовался в ауле славой хорошего работника. На пахоте и севе не отставал он от опытных хлеборобов, да и на уборке всегда был впереди. И никто не удивился тому, что в

этот вечер Борис получил не только грамоту, но и ценный подарок от правления колхоза за героизм при спасении колхозного стада.

Впрочем, сам Борис не считал свой поступок героическим. В горах как-то пошел град. Крупные льдинки, как стрелы, неслись с высоты. В эти минуты хорошо бы укрыться под крышей, переждать, когда утихнут громовые раскаты. Но Борис не искал убежища. Он заметил, что колхозное стадо приближалось к опасному месту. Животные, обезумевшие от страха, бежали туда, где их ждала гибель. Впереди была пропасть. И Борис, которого направили за молоком на ферму, круто повернул коня. Только бы успеть...

Град колотил по телу, оставляя синяки. Промокла рубаха. Борис будто не замечал этого. Главное - успеть... только бы конь не подкачал...

Колхозное стадо было спасено.

Через несколько дней об этом поступке комсомольца писала областная газета. А на собрании, получая подарок из рук председателя колхоза, Борис смущенно сказал:

- Я считаю, что выполнил свой долг, долг комсомольца. Думаю, что любой из нас поступил бы так же...

Бригада, в которой Борис работал звеньевым, была лучшей в колхозе и занимала второе место среди бригад всей области. Не так просто было добиться успехов в труде. Однажды ребята решили даже сеять кукурузу ночью, с фонарями, чтобы закончить сев к Первомайскому празднику. И закончили. Звено Бориса Хапаева в этом необычном деле было, конечно, инициатором.

Вырос Борис в большой трудолюбивой семье. Восемь сестер и два брата души не чаяли в нем. Гордились сыном отец и мать. В ауле его поминали добрым словом. Пожалуй, никто в колхозе не вырабатывал больше Бориса трудодней. Как-то Борис вместе с Ибрагимом Шамановым в 10 раз перевыполнили норму на уборке сена. Удивился бригадир. А Борис спокойно сказал:

- Видимо, нормы не так велики, пора их пересмотреть...

Наступил 1940 год. Борис и его сверстники готови-

лись к службе в армии. Но из военкомата, куда приехали призывники, он вышел хмурым. На левом плече Бориса обнаружили шрам (он порезался косой), это и смутило врачей.

- Что я хуже других? Какой же я калека! - говорил Борис членам медкомиссии. И тут же приподнял двухпудовую гирию рукой и два раза пробежал вокруг военкомата.

Настойчивость юноши понравилась врачам. Годен!

Утром 9 февраля провели в ауле митинг. Самые уважаемые люди дали призывникам наказ честно служить Родине. Машина тронулась. В далекий путь уезжали солдаты. Забегая вперед скажем, что из этой группы в аул не вернулся ни один человек.

Довелось Борису служить в Белостоке, у самой границы. Изредка приносил почтальон письма в семью Хапаевых, письма от командиров Бориса. Хвалили они солдата, благодарили родителей. А мать считала дни, ждала, когда он вернется в родные края. Уже оставалось меньше года...

Война оборвала все. Она была пока еще далеко, но уже вошла в каждый дом, в каждое сердце. Знали в Нижней Маре, что где-то бьются с врагом сыны Карачая.

Воинская часть, в которой служил Борис, в числе первых приняла на себя удар гитлеровцев. Дрались смело. Даже когда оказались в окружении, продолжали яростно отражать атаки противника. Нелегко было кавалеристам бороться с танками.

В неравном бою Борис был ранен и с группой солдат попал в плен. Их направили в лагерь для военнопленных, который был создан на территории совхоза "Красный Профинтерн" Черниговской области. Потянулись серые дни. Тем, кто был слаб духом, Борис говорил:

- Борьба еще не закончилась. В любой обстановке можно бороться с врагом.

И он боролся. Ему удалось связаться со штабом партизанского отряда. Готовился к побегу. Но из штаба передали, что Борису следует остаться в лагере, выполнять здесь задания партизан. Это был приказ. И Борис выполнил его.

В тяжелые дни познакомился он с девушкой-партизанкой Пашей Кириндась. Украинке понравилась отвага и душевная чистота горца. С каждым днем все более крепло чувство молодых людей. Они мечтали после войны приехать в аул к родным Бориса, вместе работать и растить детей...

Все крепче были удары партизан по врагу. Гитлеровцы догадывались, что кто-то из военнопленных помогает народным мстителям совершать удачные налеты. Кто-то зорко следит за каждым шагом захватчиков. Но кто же?

Однажды отряд получил задание захватить и доставить в штаб партизанского соединения полковника Крюгера. Это была важная персона. Гитлеровцу были известны многие планы, интересовавшие наше командование.

Борис тоже должен был участвовать в операции. Однако о замыслах партизан немцы узнали заранее от молодого парнишки, попавшего в лапы врага. Проболтался парень, предал товарищей... Партизаны попали в засаду...

Более месяца их пытали. Гитлеровцы во что бы то ни стало хотели узнать, где скрывается партизанский отряд. С Борисом разговор вели по-особому.

- Ты же кавказец, зачем тебе скрывать украинских партизан, - говорили палачи на допросах.

- И Кавказ, и Украина - советские! Я - советский! - отвечал Борис.

Зверские пытки не сломили партизан. Они не выдали товарищей. Гитлеровцы повесили патриотов в августе 1943 года. Борис Хапаев и его товарищи до конца остались непокоренными.

... Есть в совхозе "Красный Профинтерн" могила, за которой заботливо ухаживают пионеры местной школы. Часто приходит сюда и Ольга Андреевна Лакиза, которая была свидетельницей казни Бориса. Не дрогнул он перед смертью, смело смотрел в глаза врагов... Не забыл партизана и Михаил Павлович Силкин. Это он в ту августовскую ночь тайно снял с виселицы труп товарища и похоронил его...

... Цветет Украина. Там, где когда-то боролся с врагом партизан Борис Хапаев, встал на боевую вахту старший сержант Айтек Хапаев, младший брат Бориса. Родина доверила ему охранять мирный труд советских людей.

А. КОЧКАРОВ.

Непокоренные. "Ленинское знамя" от 5.02.1966

В ПАМЯТИ ЗЕМЛЯКОВ

Вечера из цикла "Мужеством бессмертных спасенный мир" стали хорошей традицией в деле военно-патриотического воспитания населения в аулах Карачаевского района. Такие вечера прошли в с. Коста-Хетагурова, аулах Нижняя Теберда, Нижняя Мара, Верхняя Теберда. Как обычно, к этим мероприятиям готовятся задолго, потому что связано это с поисковой работой, сбором материалов о героях-земляках. В работу подключаются школьные, комсомольские, партийные организации совхозов.

Большой опыт патриотического воспитания населения накоплен в ауле Нижняя Мара, где чтут священную память павших за Родину.

В минувшую войну из Мары ушло и не вернулось с поля брани 324 человека, имена которых золотом горят на памятнике в центре аула. В сельском Доме культуры были проведены вечера памяти Хызыра Хачирова, повторившего подвиг А.Матросова на далекой мурманской земле, отважного сына гор Магомета Хачирова. Недавно здесь прошел вечер, посвященный Абдулле Хапаеву, отважному партизану, зверски убитому фашистами на Черниговщине. Собственно, это был даже не вечер, а день памяти славного земляка.

В программу вечера входили спортивные соревнования, концерты художественной самодеятельности и выступление драматического коллектива сельского Дома культуры, встреча с ветеранами войны, знавшими близко А.Хапаева,

его родными, а также поэтами, журналистами, работниками аппарата райкома КПСС и райкома ВЛКСМ.

10 часов утра. У Дома культуры - участники вечера. Блестят награды на груди у фронтовиков. Здесь же - школьники, комсомольцы двух отделений совхоза "Маринский", а также рабочие и интеллигенция аула. Все спешат в фойе Дома культуры. Здесь на стендах - фотодокументы, газетные материалы, книги о героях.

„Вот стенд, посвященный герою войны Кичибатыру Хаиркызову, белорусскому партизану. Тут представлена книга Медихи Шамановой "Кичи-Батыр", рассказывающая о славном боевом пути отважного маринца, ее дополняют фотодокументы, вырезки из газет, письма побратимов из Узбекистана и Белоруссии, воевавших с Кичибатыром.

А другой стенд посвящен Абдулле Хапаеву. На странице 318 раскрыт роман О.Хубиева "Аманат", где показана сцена допроса Абдуллы немецким офицером. Рядом - письмо героя с фронта, фотоснимки его могилы на Черниговщине, за которой с любовью ухаживают местные жители и пионеры. Отважный сын гор, попавший в плен к немцам, даже в неволе смог найти средство, чтобы бороться с ними. Подпольная связь с партизанским отрядом помогала ему выполнять самые дерзкие диверсионные действия против фашистов. А когда его схватили, фашистский офицер, глумясь над ним, спросил у Абдуллы:

- Ты же сын Кавказа, мусульманин. Есть ли смысл скрывать имена русских, украинцев, которые тебе совершенно чужие?

Абдулла ответил:

- У меня одна Родина - Советский Союз, и все народы, живущие здесь, мои братья.

Много мучений и пыток принял на себя Борис, как звали его в партизанском отряде, но не выдал товарищей. Ничего не добившись, фашисты повесили его.

В скорбном молчании стоят у стенда сестры и брат Абдуллы, текут слезы по щекам у женщин.

Вечер, посвященный памяти А.Хапаева, открыл председатель сельсовета Р.Ю.Хаиркызов. А затем ве-

дущий вечера, он же главный режиссер и организатор, директор восьмилетней школы Асхат Хапаев предоставил слово ветеранам, фронтовикам, родственникам погибшего, которые поделились воспоминаниями о храбром войне.

В интересной программе вечера активное участие приняла заведующая сельской библиотекой Раиса Хапаева. И хотя она не выступала на сцене, ее незримое присутствие чувствовалось всюду - и в со вкусом оформленной экспозиции, посвященной героям-землякам, и в убранстве читального зала.

Думается, что этот вечер надолго запомнится жителям Маринского ущелья как одна из неувядающих страниц его славного боевого прошлого.

ЛОСАДЧАЯ.

В памяти земляков. "Ленинское знамя" от 7.07.1982.

**ПУБЛИКАЦИИ,
РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ПОДВИГЕ
ХАПАЕВА БОРИСА
(АБДУЛЛЫ) ТУГАНОВИЧА:**

1. Кочкаров А. Джигитни къабыры (Могила героя). “Ленинни Байрагъы” от 17.04.1965.
2. Кочкаров А. Непокоренные. “Ленинское знамя” от 5.02.1966.
3. Филипенко В. Борис из Карачая. “Ленинское знамя” от 6.11.1972.
4. Кочкаров А. Горсть Украинской земли. “Ставропольская правда” от 10.10.1972.
5. Филипенко В. Горсть земли. “Молодой Ленинец” от 8.01.1972.
6. Кочкаров А. Къарнашла (Братья). “Ленинни Байрагъы” от 12.02.1972.
7. Филипенко В. О чем Теберда шумит... (Сборник документальных повестей и рассказов) Повесть “Борис из Карачая”. - Черкесск, 1976.
8. Кочкаров А. Аталарыны осиятын толтура (Выполняя завет отца). “Ленинни Байрагъы” от 10.11.1977.
9. В суровые годы войны 1941-1945 гг. Воины-ставропольцы, трудящиеся края на защите Родины в период Великой Отечественной войны (Коллектив авторов)- Ставрополь, 1978 - С. 191, 196-200.
10. Осадчая Л. В памяти земляков. “Ленинское знамя” от 7.07.1982.
11. Кипкеев К.Р. Сыны и дочери Карачаево-Черкесии на фронтах Великой отечественной войны и в партизанском движении (1941-1945) // В кн.: “Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны. Материалы областной научно-теоретической конференции” -Черкесск, 1982 - С.74.
12. Хубиев Н.А. Джигитлик (Геройство). “Ленинни Байрагъы” от 11.03.1982.
13. Кочкаров А. Непокоренный. “Ленинское знамя” от 9.10.1983.
14. Кочкаров А. Марачы Прометей (Прометей из Мары). “Ленинни Байрагъы” от 7.10.1986.

15. Байкулов А. Джуртум ючюн ёлгенди (Погиб за Родину). Поэма. "Ленинни Байрагы" от 19.05.1987.

16. Кочкаров А. Один из многих. "День Республики" от 16.02.1989.

17. Хубиев О.А. Аманат(Поручение) - Черкесск 1990 - стр.339-390.

18. Коджаков Д. Джигитлени юсюнден (О героях. Список достойных быть героями России). "Къарачай" от 3.12.1991.

19. Филипенко В. Борис из Карачая. К 50-летию гибели партизана Хапаева Б.Т. "День Республики" от 25.08.1993.

20. Кочкаров А. Кому верить? (О книге памяти). "День Республики" от 14.09.1995.

21. Шаугенова Х. Юйдегизни битилмеген джарасы (Незаживающая рана семьи). "Къарачай" от 12.10.1995.

22. Суюнчев А.. Джесирде да эс ташламагъанды. (И в плену не покорился). - "Къарачай" от 8.05.1997.

23. Койчуев А.Д. Карачаевская Автономная Область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Ростов-на-Дону, 1998, стр. 248-249.

24. Кочкаров А. Джуртха керек кюнде (В трудные для Родины дни. К 80-летию со дня рождения А.Т. Хапаева) - "Къарачай" от 22.08.1998.

25. Койчуев А.Д. Славные сыны Карачая. -Карачаевск 1998-С. 175.

26. Кочкаров А. Помнит мир спасенный. К 80-летию со дня рождения Хапаева Б.Т. "День Республики" от 27.08.1998.

ФОТОДОКУМЕНТЫ

Хапаев Абдулла. 1939 год.

Туган и Байдымат Хапаевы с детьми
(г. Микоян-Шахар. 1938 г.)

Абдулла Хапаев, июнь 1940 г.

Красноармеец Абдулла Хапаев. Декабрь 1940 г.

Хапаев Абдулла (справа) и Байкотов Хаджи-Осман.
г. Осиповичи, март 1941 г.

Хапаев Абдулла г. Осиповичи, Могилевской обл.,
май 1941 г.

Семья Хапиевых, с. Пахта-Арал, 1949 г.

Айтек Хапаев. 1963 г.

Куда: Ильичевский Район откз
(область, район, город, село)

Пробито-Арм отг. Ильичев
База А

Кому: Ханаевой Вайдашай.

От кого: Ильичевский Райвоенкомат
наименование войсковой части
Юнто-Казакхи хилл. войска
(се, адрес)

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын кр-ц Ханаев Вайдашай
муж, сын, брат, воинское звание

Ханаев
фамилия, имя и отчество
уроженец Карагаевский обл. Мухоматовский р-н
область, район, деревня и село

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив
геройство и мужество, был убит 26 августа 1943, 3-я Украинская

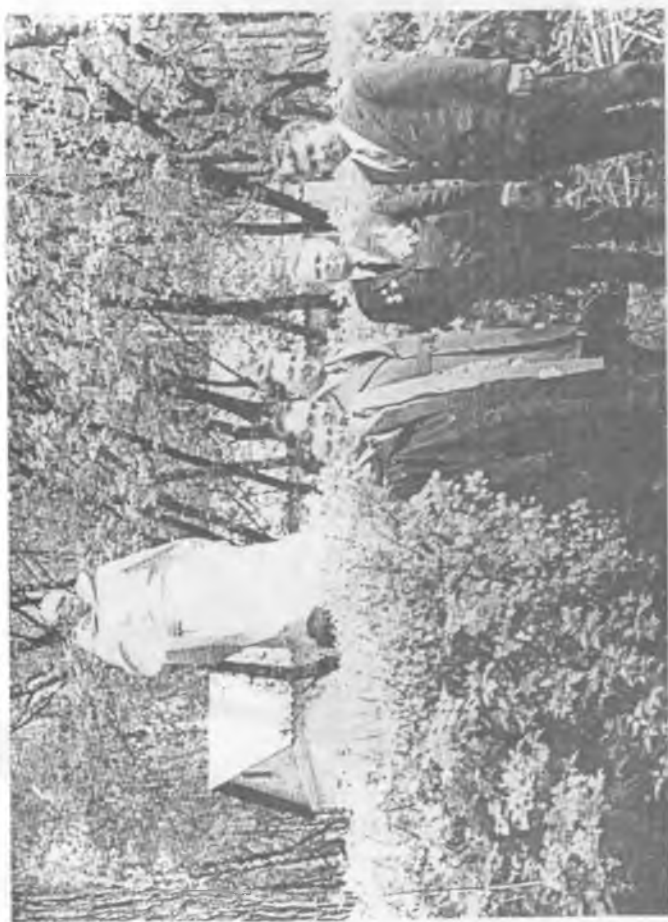
в партизанском отряде в лесной местности
походный отряд Кр. партизанский отряд
Мухоматовский район Карагаевской области

Свидетельство является документом для возбуждения ходатайства о присвоении звания Героя Советского Союза
№ 023-1944

Нач. 2 части

Извещение о смерти Ханаева Абдуллы.

Памятник погибшим солдатам на Черниговщине у места гибели Хандова Абдуллы.
Слева направо: Карпенко В.М., Пацисюра Н.П., Хандов А.Т., Вожко Г.М., Герюгов Д.И.

Хапаев Аджимджашар Туганович -брат Абдуллы Хапаева.

Туган Хапаев с семьей. Пахта-Арал, 1952 г.

Туган Джаубаевич Хапаев, аул Нижняя Мара,
1961 г.

Партизанская связная Кириндась П.В. 1944 г

П.В. Кириндась с сыном Анатолием. 1976 г.

На могиле брата. Слева направо: Хаджат Шаугенова, Дильпуруз
Лепшокова, Алимджашар Хапаев,
Абидат Чотчаева. 1985 г.

У могилы Хапаева Абдуллы. Сестры Дильпузур, Абидат с
местными жителями; в центре сидит
М. Силкин. 1985 г.

У школьного музея имени отважного партизана Борйса Тугановича Хапаева (с. Новоселовка Талдаевского района).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. <i>Т.А.Чанкаева</i>	4
ДВОЙНОЙ УЗЕЛ. <i>А.А.Суюнчев</i>	8
ВОСПОМНЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ФОТОДОКУМЕНТЫ	80

Литературно - художественное издание

СҮҮҢЧЕВ АЗАМАТ АЛИМОВИЧ

ДВОЙНОЙ УЗЕЛ

Повесть.

Редактор *Н.В. Ефрюкова*
Технический редактор *М.М. Дышекова*
Корректор *Б.А. Хапаев*

Сдано в набор 23.02.02. Подписано в печать 02.08.02.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Усл. п.л. 12,5.
Печ. л. 7,5. Заказ № 1280. Тираж 1000 экз.

Издательство Карачаево-Черкесского госпедуниверситета.
369200 г. Карачаевск, ул. Ленина, 29.
ЛР № 040310 от 21.10.1997 г.

Отпечатано в ОАО "Полиграфист". 369000, г.Черкесск,
ул. Первомайская 47. Лицензия № 040035 от 14.06.99.